

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Зав. кафедрой
Истории Средних веков
д.и.н., профессор Прокопьев А. Ю.

_____ / _____ /

Председатель ГЭК,
д. и. н. Калашникова Н. М.

Дипломная работа на тему

Праздники и праздничное в романе Т. Мэлори «Смерть Артура».

по направлению 030603 – История

профиль: Всеобщая история

Рецензент:

к. и. н. Моисеев И. Г.

_____ (подпись)

Выполнила:

студентка VI курса
заочного отделения
Бурунова Наталья Дмитриевна

Работа представлена в комиссию

_____ (подпись)

« ____ » _____ 201 ____ г.

Секретарь комиссии:

Научный руководитель:
к.и.н., старший преподаватель
Паламарчук А. А.
_____ (подпись)

Санкт-Петербург
2016

Содержание:

Введение.....	2
Глава 1.....	11
§1.Понимание праздничного.....	11
§2.Понимание карнавального.....	15
§3 Христианские литургические праздники.....	17
Глава 2.....	19
§1. Эволюция рыцарства.....	19
§2. Формирование культуры рыцарства.....	22
§3. Праздник в культуре рыцарства.....	25
- Посвящение.....	25
- Клятва.....	27
- Турнир.....	30
- Война и победа над врагом.....	33
- Охота.....	36
§4. Роман «Смерть Артура».....	38
Глава 3.....	40
§1. Праздники жизненного цикла в романе Т. Мэлори «Смерть Артура».....	40
- Посвящение в рыцари.....	40
- Свадьба.....	48
- Гости, возвращение из странствий.....	51
- Суд.....	57
- Похороны.....	62
§2. Рыцарский досуг.....	66
- Охота.....	66
- Турнир.....	71
§3. Церковные праздники.....	88
§4. Политические праздники.....	97
- Коронации.....	97
- Военные победы.....	99
Заключение.....	103

Введение.

Праздники в жизни человека занимают важное и значительное место. Несмотря на огромное разнообразие форм, обычаев, и видов все праздники имеют определенные общие черты: к таким можно отнести наличие свободного времени, отсутствие деятельности, характерной для будних дней, отдых, радость, пиршество, ритуал, танец, пение. Праздник может быть связан с важными датами истории народа и государства, с религиозным культом, с памятными семейными событиями, с трудовым правом и с видом основной деятельности. Любой праздник соединяет празднующих некими узами общности, порождает чувство коллективности, сопричастности. Это вид связи, возникающей в результате принадлежности индивида к какой-либо группе, живущей по определенным правилам и в соответствии с внутренним календарем. В национальной, политической и общественной жизни личность, участвуя в празднике, демонстрирует этим свою привязанность, верность, готовность к защите идеалов и прежде всего неразрывную связь с празднующей группой, солидарность с ней.

Исследуя вопрос праздника и места, занимаемого праздничностью в жизни и истории человечества невозможно не прийти к выводу о многофункциональности той нагрузки, которую несут на себе праздничные действия во всякую историческую эпоху своего существования. Остановимся на основных функциях праздника, выделим самые основные из них: коммуникативную, идеологическую или воспитательную, компенсаторную, игровую, интегративную, консервативную, и другие.

Коммуникативный характер праздника обеспечивается межличностными связями, устанавливающимися в процессе празднования, общением, обусловленным совместным времяпрепровождением людей, объединенных на почве какой-то общности интересов, родственных или иных связей, вида деятельности. Являясь массовыми мероприятиями в большей или меньшей степени, празднования отличная площадка для общения во всех возможных форматах.

Идеологическая функция праздника заключается в том, что изначально, одна из главных социальных задач, решаемая путем устройства праздников заключалась в передаче традиций, идей, знаний. Передача эта могла происходить внутри любого сообщества, внутри группы, общества, семьи, от поколения к поколению. Эта нагрузка заложена в самой природе праздника, и эту особенность во все времена эксплуатировали ради достижения определенных результатов всевозможные идеологии, верования, партии и правящие классы, дабы привлекать на свою сторону новых сторонников, навязывать систему ценностей и мышления.

Компенсаторная функция праздника состоит в том, что с будничной жизнью связано большое количество неудовлетворенных потребностей, будь то ограничение в еде, отдыхе, в подавлении эмоций. Праздник с этой точки зрения возмещает все эти запретные в другое время удовольствия. Он служит и способом снятия психического напряжения, восстанавливает внутреннее равновесие. Так же праздник удовлетворяет потребность в удовольствии, дает возможность получить наслаждение от жизни – песни, танцы, еда, музыка позволяют отпустить излишний контроль и насладиться настоящим моментом.

Интегративная функция праздника переплетается с коммуникативной и идеологической, является одной из самых важных. «Праздники стимулируют групповую консолидацию, способствуют самоидентификации членов группы, класса, общества, организуют совместную жизнедеятельность людей, сплачивает представителей группы и т.д. Интегративная функция прежде всего заключается в стимулировании групповой деятельности, в объединении индивидов в одну группу по каким-то внешним характеристикам, в осознании индивидом своего места в коллективе и роли данного коллектива среди остальных подобных групп»¹. К этому определению тесно примыкает и консервативная функция, которая способствует не только объединению группы, но и дальнейшему её сохранению, защите её ценностей от разрушения и забвения, поддерживает существование группы как таковой. Праздник, являясь в основном актом коллективной деятельности, выявляет групповые

¹ Бурменская Д. Б. К вопросу о роли праздника в жизни общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 61. с. 47.

принадлежности, общественные роли и положения, выполняет функцию демонстрации социального статуса индивида. Принимая участие в празднике в добровольном или принудительном порядке, человек демонстрирует свою причастность определенной группе, культуре, вере, общности по интересам или профессиональной деятельности, социальному статусу и общественному положению.

Таким образом, можно отметить, что значение праздника как многогранного общественного явления, отражающего жизнь человека и общества, сложно переоценить. Обладая общими характерными чертами, каждый праздник все же является зеркалом своей эпохи. В нем отражается политическая, историческая, духовная жизнь общественно-экономической формации, идеи, интересы и стремления самых различных её социальных слоев. В жизни каждого народа праздник занимает свое особое место, выполняет свои определенные функции. «Многие аспекты и функции праздника, на наш взгляд, способствуют тому, что в праздничный период личность обретает возможность гораздо более полной жизни, чем в будни. Отношение человека к празднику определяется, прежде всего, его ранними периодами социализации, когда в процессе воспитания он воспринимает культурные нормы, обычаи, ценности старшего поколения. Участие же индивида в праздновании является важным доказательством его устойчивой связи с группой, отмечающей праздник»².

Первооткрывателем в отечественной историографии концепции «карнавальной культуры» средневековья является М. М. Бахтин³. Та проблематика, круг вопросов, которые поднял в своей работе М. М. Бахтин, никогда прежде не исследовались. «Подлинное открытие автора состоит в развертывании целого, по сути дела, неизведанного пласта культуры прошлого – народной смеховой, гротескно-карнавальной культуры»⁴. Но, при всей новизне и полноте работы, не следует забывать, что здесь автор сознательно выделил один определенный аспект реальности, в действительности более

²Бурменская Д. Б. К вопросу о роли праздника в жизни общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. №61.с. 48.

³Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. с. 276.

⁴Баткин Л. М. Смех Панурга и философия культуры // Вопросы философии. 1967. № 12. с. 116.

многосторонней и сложной. Работа М. М. Бахтина можно сказать только открыла для исследования новый мир карнавала, лишь обозначила факт её существования, не раскрыв в полной мере все её грани.

Этот труд вызвал целую волну отзывов, в которых не только критиковались некоторые нюансы книги, но и подчеркивалось огромное значение работы, ее историческая ценность, важность самой постановки вопроса и значительность открытие такого явления как «смеховая культура» средневековья. Отзывы эти как, например, «Смех в народной культуре средневековья» А. Я. Гуревича⁵ и «Смех Панурга и философия культуры» Л. М. Баткина⁶ своей критикой и обсуждением данной тематики также являются ценными источниками по вопросу смеховой культуры средневековья.

В ряде работ отечественной историографии, посвященных карнавальной культуре средневекового общества значительное место занимает труд В. П. Даркевича «Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX – XVI вв.»⁷, в которой рассматривается структура карнавала, его изображения в архитектуре, живописи и литературе. Основным базисом и материалом для исследования в данной книге являются изобразительные источники, что едва ли не единственный пример в отечественной историографии, посвященной этому вопросу.

Из советских работ большую ценность имеют книги О. Фрейденберг "Поэтика сюжета и жанра"⁸, «Происхождение пародии»⁹. В книгах собран огромный фольклорный материал, имеющий прямое отношение к народной смеховой культуре (преимущественно античной). Но истолковывается этот материал в основном в духе теорий раннего мышления, и проблема народной смеховой культуры в книге остается необозначенной.

В иностранной историографии посвященной вопросу смеховой культуры Средневековья и повседневной жизни этого периода основополагающими

⁵Гуревич А. Я. Смех в народной культуре средневековья // Вопросы литературы. № 6. 1966. с. 207-226.

⁶Баткин Л. М. Смех Панурга и философия культуры // Вопросы философии. № 12. 1967. с. 114-123.

⁷Даркевич В. П. Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX – XVI вв. М., 1988. с. 343.

⁸Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. с. 448.

⁹Фрейденберг О. М. Происхождение пародии // Труды по знаковым системам. Тарту. 1973. Т VI. с. 490-497.

является книги Хейзинга «Homo ludens»¹⁰, «Осень средневековья»¹¹, труд Жака Ле Гоффа «Цивилизация средневекового запада»¹².

Цель, поставленная в данной выпускной квалификационной работе – изучение феномена праздника и праздничного для конкретной социальной группы – рыцарства. В целом, историография изучения рыцарства, его истоков и развития от истоков Средневековья к началу раннего Нового времени достаточно обширна, поэтому остановлюсь лишь на основополагающих работах в данной области.

Большой вклад в изучение феномена рыцарства внес представитель школы «Анналов», ученик и последователь Ж. Дюби, швейцарский медиевист Ж. Флори, занимавшийся ранней историей французского рыцарства. Он считает, что уже в конце XII в. рыцарство украсило себя этикой, которую ему предлагали более ста лет, и превратило ее в собственный моральный кодекс, становясь таким образом "орденом", *ordo*. Книга "Идеология меча"¹³ посвящена проблеме формирования идеологии рыцарского сословия. Анализируя редкие, малоизвестные исторические материалы, Ж. Флори рисует картину эволюции взглядов на войну и роль воина в раннесредневековом обществе, в результате чего идеологические основы рыцарского самосознания выступают рельефно и обоснованно. Еще в одном своем произведении «Повседневная жизнь рыцарей в Средние века»¹⁴ автор фокусирует свое внимание на некоем сформированном у читателя образе рыцарства, и рассматривает совпадения и противоречия этого образа в его исторической реалии и мифической выдуманности. Проследивая процесс создания рыцарского общества, формирование его культуры и развитие этого феномена с периода падения Римской империи и до начала Нового времени Ж. Флори развенчивает многие клише в том идеальном образе, который преподносит нам пласт средневековой рыцарской литературы.

Во второй половине XX века появляются комплексные работы, рассматривающие историю западноевропейского рыцарства с различных точек зрения и изучающие те или иные стороны его жизни. Таким произведением

10 Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. М., 2015. с. 416.

11 Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1995. с. 416.

12 Гофф Ле Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. с. 560.

13 Флори Ж. Идеология меча. Предистория рыцарства. СПб., 1999. с. 314.

14 Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М., 2006. с. 356.

является книга М. Кина "Рыцарство"¹⁵. Исследуя средневековые войны, автор в первую очередь, останавливается на вопросе об уровне реальной опасности на войне в XIV веке, считая, что такая опасность была весьма существенной, несмотря на прочные доспехи, которые носили рыцари и существующий кодекс чести предписывающий брать противников в плен, а не убивать. Далее автор рассматривает вопрос, касающийся странствующих рыцарей: насколько в позднем средневековье культ странствующего рыцаря соответствовал общественным и политическим нуждам своего времени.

Главным источником, на основе которого в данной выпускной квалификационной работе я анализирую феномен праздничного и его роль в культуре рыцарства, является роман Томаса Мэлори «Смерть Артура»¹⁶. Роман во многом является результатом труда целой плеяды авторов и источников, на основе которых Т. Мэлори создавал свой труд. Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола имеют долгую историю и прошли несколько эволюционных этапов, нашедших отражение в литературе и культуре соответственного периода. И в этом ряду произведение Мэлори "как бы последнее прощание с миром легенд и вымысла куртуазной поры"¹⁷. Но на этом произведении не закончилась история короля Артура, можно говорить о прямо противоположном процессе, после Т. Мэлори начинается новая череда пересказов, переделок этой темы.

Артуровский цикл всегда привлекал внимание исследователей. Роман Т. Мэлори обрел свое второе рождение после того, как 23 июля 1934 года в библиотеке винчестерского колледжа библиотекарем У. Оукшоттом был найден манускрипт романа Т. Мэлори, не известный до тех пор и получивший впоследствии название Уинчестерского манускрипта. Этот документ значительно отличался от произведения, изданного У. Кэктоном в 1485 г., как об этом свидетельствовали статьи и сообщения профессора Е. Винавера опубликованные в литературоведческих изданиях 30-х годов. Профессор Манчестерского университета Е. Винавер неоднократно обращался к

¹⁵ Кин М. Рыцарство. М., 2000. с. 520.

¹⁶ Мэлори Т. Смерть Артура. М. 1974. с. 899.

¹⁷ Алексеев М. П. Английская проза XV века // История английской литературы», т. I, вып. I. М.-Л., 1943. с. 239

творчеству Томаса Мэлори. Еще в 20-е годы он пишет два серьезных исследования: в одном из них он решает вопрос о месте романа о Тристане и Изольде в произведении Мэлори, в другом - преследует цель установления личности Томаса Мэлори и дает подробную характеристику творчества писателя. Этими книгами и многими другими исследованиями Е. Винавер обрел себе заслуженный авторитет среди литературоведов, занимавшихся изучением творчества Т. Мэлори. Неудивительно, что он первым обратился к пересмотру той темы, которая так долго была в центре его внимания. И пересмотр, которому Е. Винавер подверг роман Мэлори "Смерть Артура", был коренным. Если в 1925 г. работе «Роман о Тристане и Изольде в произведении Томаса Мэлори» / «Le Roman de Tristan et Iseut dans l'oeuvre de Thomas Malory»¹⁸ роман рассматривался в бесспорном единстве всех его частей и был назван "подлинной энциклопедией сказаний о короле Артуре", если таким же оставался подход исследователя к роману и в его монографии о Мэлори, то в 1947 г., в предисловии к трехтомному комментированному изданию, озаглавленному «Произведения Томаса Мэлори» / «The Works of Sir Thomas Malory»¹⁹ Е. Винавер выдвигает и отстаивает взгляды, крайне противоположные. В нем точка зрения на книгу Т. Мэлори как на роман, выступающий перед нами в единстве составляющих его частей, была полностью отброшена. Теперь книга распалась на восемь самостоятельных романов и предстала как "последовательность отдельных романов", то есть как своеобразная антология рыцарских романов. Е. Винавер выступил с утверждением, что взгляд на книгу Томаса Мэлори как на единый роман сложился случайно, в результате ошибки издателя романа У. Кэкстона.

Концепция Е. Винавера нашла и своих сторонников, но была также и опровергнута рядом американских ученых, такими как Р. Уилсон, Д. Брюер, выступившими в защиту бытовавшего ранее понимания романа как единого цельного произведения. Выразителем этого направления стал Р. М. Лумянский²⁰, который вступив в полемику с Е. Винавером, проводит

¹⁸ Vinaver E. Le Roman de Tristan et Iseut dans l'oeuvre de Thomas Malory. Paris. 1925.

¹⁹ Vinaver E. The Works of Sir Thomas Malory. London. 1954.

²⁰ Lumiansky R. M. Malory's Originality. Baltimore. 1964.

скрупулезное и внимательное исследование вновь открывшегося текста и, сопоставляя его отдельные части с возможными источниками, которыми пользовался Мэлори, убедительно доказывает, что Томас Мэлори писал один слитный текст, создавал одно произведение. Ученые группы Р.М. Лумянского видят в Мэлори писателя, относящегося к своему творчеству сознательно, работающим над текстом вдумчиво и рассудительно. И потому любое, мельчайшее расхождение первоисточника и романа имеет глубокий внутренний смысл, является отражением позиций и мнения писателя. При этом подходе произведение Мэлори, а не его источники оказываются в центре внимания исследователей.

Еще одна концепция рассмотрения творчества Томаса Мэлори сложилась в середине 60-х годов XX века, автором её является американский литературовед, профессор Пенсильванского университета Эдмунд Рейсс. В своей работе "Сэр Томас Мэлори" / "Sir Thomas Malory"²¹ он рассматривает творение Мэлори с позиции принципов нового критицизма – теории безличного творчества, предполагающей анализ самого произведения в отрыве от личности его создателя и исторических реалий периода написания произведения. Не отрицая разделение романа на отдельные рассказы, каждый из которых имеет свое начало, середину и конец, Э. Рейсс все же говорит о едином, цельном произведении, но относит его к форме саги, в этом формате части и целое играют одинаково важную роль. В этом положении и в анализе романа Э. Рейсс смыкается в своей концепции с мифологической школой американского литературоведения, по теории которой миф, волшебная сказка, сказание провозглашаются типами художественного мышления. Концепция Э. Рейсса строится на понимании романа как сказания, т.е. как повествования, содержащего историческое осмысление событий (возникновение, рост, расцвет и падение государства короля Артура) при этом идейное содержание романа, в корне отличное от других романов артуровского цикла, рассматривается не в связи с внутренними особенностями английской истории и культуры, хотя Э.

²¹ Reiss E. Sir Thomas Malory. New York. 1966.

Рейсс и признает это возможным, а в более абстрактном, более философском плане - проблема человеческой жизни вообще, судьбы человека и общества.

Учитывая состояние современной историографии феномена праздничного, истории западноевропейского рыцарства и опыт изучения романов артуровского цикла, в данной работе были поставлены следующие исследовательские цели:

- проанализировать текст романа Томаса Мэлори «Смерть Артура» и определить основные сюжеты, образы и стилистические клише, раскрывающие феномен праздника и праздничного;

- установить закономерности в изображении праздников, предложить типологию действий и ситуаций, связанных с феноменом праздничного;

- выявить смысловые значения феномена праздничного в романе Мэлори и сопоставить их с корпоративной культурой рыцарства от классического Средневековья к его позднему периоду;

- проанализировать специфику авторского восприятия феномена праздничного и праздника, сопоставить ее с социальными трансформациями, имевшими место в позднесредневековой Англии.

Глава I.

§1. Понимание праздничного.

В истории развития культуры роль праздника сложно переоценить. Праздничное восприятие реальности неотделимо от основополагающих человеческих характеристик. Даже в периоды всевозможных бед и страданий человек находит забвение и передышку в праздниках и увеселениях. Поэтому изучение вопроса происхождения, истоков, развития, значения, влияния праздника в любую историческую эпоху занятие чрезвычайно важное и нужное.

Средневековое общество, характерными чертами которого являлась чрезвычайная религиозность, жизнь человека в котором была чревата опасностями и несчастьями, насилием и стихийными бедствиями, тем не менее, содержала в себе большой процент живой и бродящей энергии, которая находила выход в карнавалах и ярмарках, мистериях, рыцарских турнирах и сельских праздниках.

Одно из самых древних рассуждений о праздниках относится к Платону. Он создал социально-воспитательную концепцию. Процесс воспитания характеризовался им как полярная политика, поскольку по его выражению процесс этот составляют верно направленные страдания и удовольствия. Под удовольствиями в своих «Законах» он подразумевал, в том числе и институт праздника, контролируемый государством, вместе со всеми его составляющими: песнями, танцами, играми, вином и т.д. Для Платона правильное воспитание — это «привлечение и приведение детей к такому образу мыслей, который признан законом правильным, чтобы душа ребенка не приучалась радоваться и скорбеть вопреки закону»²². То есть, философ рассматривал праздник как средство стабилизации государства, и здесь, по его мнению, Греция была далека от идеала, поскольку праздники там носили неустойчивый характер, что усложняло процесс желаемого воспитания во имя неизменного благополучия страны. Если праздничную семантику по Платону представить в виде схемы, то мы получим неизменные, четко ритуализованные, проверенные с точки зрения эффективности праздники и его составляющие, отсюда - гарантированное

²²Платон. Соч. в 3-х т., т.3, ч.2. М.,1972. с. 125.

«правильное» воспитание молодежи – отсюда — устойчивое благополучие государства.

Однако только этим выводом смысловая нагрузка праздников не ограничивается, поскольку последние должны были способствовать еще и достижению людьми чувства ритма и гармонии — весьма характерных составляющих человеческой личности и в целом миропонимания людей периода античности. И здесь опять же речь идет о блаженстве, поскольку вышеназванные чувства связаны, по словам Платона, с наслаждением, даруемым богами во время праздничных хороводов: «...боги... как участники ... хороводов, дали нам чувство гармонии и ритма, сопряженное с удовольствием. К тому же и само слово «хоровод» этимологически связано со словом радость (гр. *chara*)»²³.

Далее, на наш взгляд, логично обратиться к другой, уже упомянутой концепции достижения полной свободы известного русского историка и теоретика культуры М. Бахтина. Она создана с опорой преимущественно на описание и анализ карнавала эпох Средневековья и Возрождения. Книга «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» привлекала и до сегодняшнего дня привлекает ученых, занимающихся разработкой теории праздника. В рамках общей праздничной теории М. Бахтин подчеркивает миросозерцательный смысл праздника. Он так же говорит о том, что признаками настоящего праздника являются элементы духовно-идеологической сферы и высшие цели человеческого существования — мир идеалов. Воплощением такого идеального мира по Бахтину и был карнавал, поскольку люди на время праздника вступали «в утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия»²⁴. Карнавал рассматривается как вторая, праздничная и настоящая на данный период времени жизнь народа, сама жизнь играет в нем, а игра на время становится жизнью. Очень важным моментом является то, что этот (карнавальный) вид праздника, содержащий внутри себя множество смыслов и символов, сам по себе «становится символом и воплощением подлинного всенародного площадного праздника»²⁵.

²³Платон. Соч. в 3-х т., т.3, ч.2. М.,1972. с. 117.

²⁴Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. с. 145.

²⁵Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. с. 244.

Так как во времена средневековья праздничная культура разделялась на официальную (церковную) и неофициальную (народную), то и анализу, соответственно подвергаются обе эти формы. Сравнив их, мы отметим, что первая была как бы обращена в прошлое, она старалась своими празднествами установить стабильность и необходимый (по мнению верхушки) миропорядок (это понимание смысла праздника в какой-то степени можно сравнить с платоновским). Вторая же, напротив, из-за своей фантазийности, перевернутости (это слово часто упоминается в рамках данной концепции) устремляет взор в будущее, провозглашая утопические равенство, братство, свободу, изобилие материальных благ. К тому же карнавал просто не допускает постоянства и незыблемости: «пафосом смен и обновлений, сознанием веселой относительности господствующих правд и властей проникнуты все формы и символы карнавального языка»²⁶.

Еще одна концепция праздника и его возникновения изложена в работе известного польского ученого-социолога К. Жигульского. В своей концепции он говорит о том, что поводом к возникновению праздников, а, следовательно, его смысл изначально заключался в мотивах возникновения, среди которых основные — это желание осознать ритм: природный, мифический, исторический и т.д. «... почтить его и обозначить, припомнить важные моменты прошлого, стремление слиться с этим ритмом и попытки оказать на него влияние, предотвратить его возможные нарушения»²⁷. То есть речь идет о ритмической (или циклической) концепции праздника. Обратившись к праздникам, описанных К. Жигульским, мы увидим подтверждение тому, что они понимались и отмечались преимущественно в рамках господствующих религиозных верований, то есть являлись их непосредственным выражением и отражением. Однако далее мы сталкиваемся с новым пониманием смысла праздника в рамках уже не природы и (или) религии, а в качестве некоего воспроизведения хода истории, конкретных, важных для данного сообщества исторических и политических событий²⁸. «В праздниках осуществлялась

²⁶Там же. с. 165.

²⁷Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога. М., 1985. с. 57.

²⁸Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога. М., 1985. с. 56-57.

коллективная память народа. В обрядах земледельческого календаря архаические магические ритуалы доклассового общества сплавлены с новыми обрядами периода феодализма, усвоенными под влиянием Церкви. Связи с мифопоэтическими представлениями консервативного аграрного общества (например, мифологема умирающего и воскресающего божества) заметны не только в чисто развлекательных мирских праздниках, но и в тех случаях, когда праздник как таковой теряет свой статус и превращается в игру или обычай»²⁹.
 Время в средневековом обществе во многом регулировалось природными аграрными циклами и литургической практикой. Сезонные праздники являлись определенным мистическим действием. Связанные с идеей смерти и обновления растительности, тления и нового роста они представляли собой закрепленный веками обряд проводов зимы и празднование прихода весны, как например образы «майского короля» или «майского дерева» или же осенний вариант празднования окончания сбора урожая и уход природы на покой в виде праздников вина и вакханалий. Аграрные празднования были цикличны, все и приход нового и смерть старого воспринималась отнюдь не как окончательное событие, но лишь этап в повторяющемся круговороте жизни. Образы и ритуалы этих праздников совмещали в себе умерщвление и рождение одновременно, переход из одного состояния в другое

Таким образом, рассмотрев весьма разноплановые праздничные концепции, мы приходим к пониманию, что основы праздников являются интереснейшими и практически неисчерпаемыми источниками для анализа, важным для понимания значимости их в современном мире.³⁰

§2. Понимание карнавального.

Карнавал, в низшей мифологии народов Европы антропоморфное воплощение календарного праздника проводов зимы, проходившего накануне великого поста (за сорок дней до христианской Пасхи). Название «карнавал», видимо, происходит от культовой повозки - корабля на колёсах (лат. *carrus-*

²⁹Даркевич В. П. Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX – XVI вв. М., 1988. с. 234.

³⁰Медведева М. А., Ромаха О. В. Семантический анализ концепции праздника. Аналитика культурологии. Вып. 1(10). 2008. с. 67-71.

navalis, «колесница-корабль», использовавшаяся, в частности, во время древних мистерий Мардука, Диониса и др., в ритуалах народов Европы с бронзового века); в Средние века и позднее на колеснице во время праздничных процессий вывозили чучело карнавала. Народная этимология отождествляет корень car- с названием мяса, плоти (латинское caro, итал. carne, carnevale - «мясоед», «carnevale!» - «да здравствует плоть!»).

Объем и значение карнавальной культуры в Средние века и в эпоху Возрождения были огромными. Целый необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и серьезной (по своему тону) культуре церковного и феодального средневековья. При всем разнообразии этих форм и проявлений, площадные празднества карнавального типа, отдельные смеховые обряды и культы, шуты и дураки, великаны, карлики и уроды, скоморохи разного рода и ранга, огромная и многообразная пародийная литература и многое другое - все они, эти формы, обладают единым стилем и являются частями и частицами единой и целостной народно-смеховой, карнавальной культуры.

В рождественские и новогодние каникулы происходило пародирование и высмеивание культовых ритуалов и священных текстов. Литургия превращалась в фарс. Во время самой службы люди во всевозможных костюмах плясали в храмах, пели непристойные песни, играли в кости тому подобное. По окончании смеховой литургии клирики разъезжали в телегах по городу и осыпали прохожих навозом (древний снижающий жест). Главная идея средневекового карнавала – инверсия общественного статуса. При помощи переодеваний и снятия всяческих запретов разрушалась строгая иерархия и «последний становился первым» - простолюдины – королями, церковные служки – прелатами, ремесленники – рыцарями без страха и упрёка. Но надо сказать, что подобное явление было не абсолютно отрицающим и исключаящим серьезную, официальную культуру. «Ведь семантика карнавала – не внешняя и посторонняя по отношению к официальному ритуалу, именно в нем черпает она в значительной степени свои элементы. Карнавал отрицает культуру феодальной иерархии, имея её внутри себя»³¹. Кроме того, вполне

³¹Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. с. 277

обоснованным является суждение, что «празднества глупцов» давали сильную психологическую разгрузку, позволяя человеку вырваться из четко регламентированных рамок повседневной жизни, выйти из-под пристального контроля закона и церкви. Отметим следует и то, что само явление комического снижения, чьим воплощением является карнавал есть «существенное качество средневекового мировоззрения, столь же неотъемлемая черта отношения человека к действительности, как и тяга к священному и возвышенному»³².

«Наряду с официальной церковно-догматической, неизменно «серьезной» культурой на протяжении всего средневековья существовала народная культура смеха, карнавала, корни которой уходят в первобытный строй и могут быть прослеженными в архаической и классической древности. Стихия смеха охватывала основные представления народа, окрашивая в особые тона весь комплекс его представления о мире, человеке, обществе. В определенные моменты народной жизни, в дни празднеств, этот народный карнавальный пласт культуры выходил на первый план, приобретал господствующее положение: тогда наступало состояние свободы, равенства, исчезали социальные дистанции, все, вплоть до последних, самых серьезных и не подлежащих в обыденной жизни сомнению истин религиозного и официального плана, подвергалось осмеянию и профанации»³³.

§3. Христианские литургические праздники.

Как писал М.М. Бахтин, «официальный праздник, в сущности, смотрел только назад, в прошлое и этим прошлым освящал существующий в настоящем строй. Официальный праздник, иногда даже вопреки собственной идее, утверждал стабильность, неизменность и вечность всего существующего миропорядка: существующей иерархии, существующих религиозных, политических и моральных ценностей, норм, запретов»³⁴.

Главной формой официальных празднеств были церковные празднования. Во время праздников служили торжественную мессу,

³²Гуревич А. Я. К истории гротеска: «Верх» и «низ» в средневековой латинской литературе. Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., Т. 34, № 4, 1975. с. 327.

³³Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. с. 207.

³⁴Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. с. 207. с. 5.

прославляли святых и мучеников, устраивали процессии со священными реликвиями. В большинстве своем церковный праздник служил подтверждением незыблемости существующего порядка вещей и социального устройства. В шествии с евхартией город воспроизводил свою социальную структуру, за святыми дарами шествовали в праздничном убранстве, сохраняя иерархический порядок, прелаты, клирики, монахи, знать, цеха, гильдии, братства и т.д. Праздничные богослужения совершались с большой пышностью, уже с IX–X веков праздничная месса становится похожа на аллегорический спектакль благодаря инсценировкам ветхозаветной, евангельской или житийной истории, такие представления носили название «мистерий». Наиболее часто инсценировалась беседа ангелами с тремя Мариями у могилы Христа, затем в храмах стали изображать и Рождество Христово. Формирование театральной составляющей внутри церковного культа было во многом связано со стремлением придать более зрелищный характер церковным праздникам. Такие представления просуществовали примерно до XIII века, когда их место заняли городские театральные действа.

Системой, определяющей общественную, религиозную и частную жизнь христиан в течение года был литургический календарь. Вершиной литургического года являлась Пасха. Поскольку ранняя христианская Церковь в начале своего формирования во многом использовала иудейский календарь с семидневной неделей, празднованием субботы как дня Господня, и месяцами начинающимися в новолуние, неудивительно, что центральное событие иудейского календаря перешло и в христианский. Пасха празднуется как память об избавлении Израиля от египетского рабства. Тесно связан с Пасхой и праздник Пятидесятницы (отмечаемый на 50-ый день после Пасхи) и знаменующий заключение завета между Богом и его народом на горе Синай. Эти праздники для ранних христиан сохранили свое присутствие и наполнились новым смыслом – Пасха стала знаменем искупительной смерти и воскресения Христа, Пятидесятница – сошествие Святого Духа.

Со временем становления христианства как официальной религии литургический год начинает усложняться. Как отдельный праздник закрепилось

празднование Рождества Христова на 25 декабря. Наметившийся еще в IV в. обычай предварять Рождество периодом подготовки, постепенно закрепился на Западе в виде Адвента, а на Востоке - Рождественского поста. Формируется сложное богослужение Великой Страстной недели, в процессе которой происходит воспоминание событий последних дней жизни Христа. В этот же период возникает обычай празднования Сретенья Господня (15 января).

Таким образом, в эпоху раннего Средневековья происходит процесс фокусировки вокруг двух полюсов: тайны Боговоплощения и явления в мир Сына Божия и тайны искупительных страданий, смерти и воскресения Христа. Постепенно появляются праздники, отмечающие события земной жизни Христа и Богородицы (Преображение Господне, Рождество Пресвятой Богородицы и др.). Увеличивается число почитаемых в местных Церквях святых, аскетов, исповедников. Присутствуют также многочисленные дни, посвященные знаменательным датам христианской истории, явлениям чудотворных икон.

Глава II.

§1. Эволюция рыцарства.

Рыцарство, сформировавшись на основе германского мировосприятия, с его воинственностью, сакральностью оружия, беспрекословным подчинением военному вождю, эта форма сообщества, зародившаяся в период распада Римской империи, прошла путь длительной эволюции. Приобретая целый комплекс моральных правил и структур, обзаведясь бесчисленным количеством ритуалов и постулатов, постепенно, это изначально чисто воинское объединение, братство превратилось в элитное дворянское сословие, обладающее своей идеологией, культурой, и специфическим мировоззрением. Со временем этот куртуазный и в высшей мере доблестный союз вырождается в изысканную, напыщенную, замкнутую саму на себе организацию, исполняющую исключительно придворные функции.

Рыцарство, прежде всего, это военное служение воинов своему государю (королю) или своему господину (сеньору)³⁵. Эта первая и основная функция рыцарства на протяжении большей части Средневековья. Военная составляющая брала свои истоки из идеологии древнегерманских племен. Германское общество это в первую очередь объединение воителей, превыше всего ставящее владение оружием, боевую доблесть. Военный отряд, объединенный вокруг вождя, чьи функции постепенно начинают обретать форму королевских, сплоченные едиными понятиями храбрости, достоинства и приверженности своему господину являли собой прообраз рыцарского сообщества более позднего времени. Еще один из источников формирования рыцарства можно найти в последнем периоде существования Римской империи. К моменту падения христианизированная империя уже утратила былой интерес к войне, отдав данную деятельность в руки наемников – варваров. Таким образом, основную нагрузку по несению охраны границ империи осуществляли те же профессиональные воины, что и нападающая сторона. Здесь же и в этот же период можно проследить зачатки связей между личной зависимостью и приватизацией военной службы.

³⁵ Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М., 2006. с. 25.

Фактором, оказавшим, безусловно, большое влияние на изменение статуса и значения воинства как такового являются изменения, произошедшие и в самой армии. Постепенно главенствующая роль пехоты начинает уменьшаться. Возможно, по примеру своих степных противников франки, государство которых станет главной колыбелью рыцарства, заводят кавалерию. Изменения происходят и в форме ведения сражения - бой, предполагавший стремительное нападение кавалериста, вооруженного зафиксированным параллельно земле копьем становится широко распространенной формой сражения. Особые методы ведения боя у этой тяжелой кавалерии довольно скоро преобразуют ее — вследствие дороговизны вооружения и потребной для владения им тренировки — в аристократическую элиту. Содержать и обеспечивать подобных воинов дорого, и потому это ложится исключительно на плечи аристократов, которые приводят свои вооруженные свиты на «майские поля». Военная служба все более сосредоточивается в руках этого общественного класса, который, в конечном счете, начинает смотреть на нее как на свою исключительную привилегию.

Уже на ранних этапах своего существования воинское сообщество испытывает на себе влияние Церкви. Христианство в своем первоначальном периоде категорически противопоставляло понятия мира, воплощенное в Христе и понятие войны, олицетворенное в Дьяволе. Постепенно, с христианизацией Римской империи и восшествием на трон христианских монархов, эта концепция заменяется понятием необходимости защиты государства и правителя. Христианин теперь принимается как воин, но исключительно в мирное время, и без процесса кровопролития. Следующей стадией изменения становится концепция справедливой войны, в которой христианину не только можно, но и необходимо принимать участие. Справедливая война ведется на своей территории, с целью защиты от врага, и исключительно из благих побуждений. Именно это оправдание войны и восприятие христианина как защитника веры, Церкви и государства ляжет как один из краеугольных камней в основу рыцарской культуры.

Перенос на рыцарство некоторых моральных обязательств, изначально «королевских» происходит по следующей причине: король, на которого Церковь возложила ветхозаветные требования по защите слабых и обездоленных, внося себя же в этот список, к X веку во многом теряет всю полноту своей прежней военной власти. Кроме того, перестав получать новые территориальные пополнения в результате военных кампаний, он теряет и возможность, позволявшую ему привлекать на свою сторону новых сторонников из среды аристократов.

Вступление в ряды рыцарства, остававшееся достаточно открытым для выходцев из всех сословий в XI-XII веках, в XIII веке приобретает тенденцию к сужению перед «неблагородными», появляются юридические ограничения, предполагающие возможность вступить в рыцарство только по наследству или пожалованием князи или короля³⁶. Подобные изменения можно объяснить проявлением политической воли, ограничивавшей возможности для получения магнатами еще большей силы и могущества. С XIV века ситуация еще более усугубляется, чему способствует непомерная стоимость самого обряда посвящения и обязательного пиршества. Кроме того, существовавшая в предыдущие века значительная разница в плате за военную службу рыцарю и всему остальному воинству в новый период сходит практически на нет, и рыцарем становится быть не выгодно. Из этого проистекает тенденция к общему уменьшению прошедших через обряд посвящения, многие дворяне, избравшие по традиции военную карьеру, предпочитают уклониться от рыцарского звания, и оставаться в ранге оруженосцев.

Менялась и военная стратегия, и организация, что подрывало господствующее положение рыцарства. На смену хаотическому объединению рыцарей с отрядами оруженосцев и слуг приходит регулярная армия, увеличение роли лучника делает тяжелого, неповоротливого в доспехах рыцаря легкой мишенью, а развитие в XV веке артиллерии наносит последний сокрушительный удар по личной безопасности феодальной знати. Теряя свое функциональное значение, рыцарство уходит в сферу куртуазной пышности и

³⁶ Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М., 2006.с. 42.

придворной праздничной обрядности. «Рыцарство становится учреждением, чтобы вскоре стать мифом»³⁷.

§2. Формирование культуры рыцарства.

Рыцарство в том виде, которое мы обычно понимаем под этим термином формируется достаточно поздно. Лишь к концу XII века устанавливается идеология, которая выдаст рыцарству «удостоверение знатности». Пройдя обряд посвящения с этого периода, рыцарь отдает себя защите ценностей, получивших название «рыцарских»: это защита государства и сюзерена от внешнего врага и в большей степени защита и помощь тем, кому слабость не дает защищаться самостоятельно – духовенства, вдов, сирот и конечно «беззащитных дев». С этого периода рыцарство можно рассматривать как институт. Рыцарская культура это сплав воинской этики, христианской морали и аристократической составляющей. Именно взаимодействие этих частей создает характерное для рыцарства социальное самосознание, свойственные только ему средства чувствования, действия и мышления.

Аристократический аспект. Во всех землях Империи и за её пределами издревле почиталось благородство по крови, по рождению, по происхождению от знатных родов, будь то галло-римские, германские или древнеримские семейства. Многие из таких родов из поколения в поколение посвящали себя военной службе в самом широком значении этого понятия, как виду общественного служения. Даже если последовательность эта прерывалась по разного рода причинам, благородство, обретенное предками, передавалось по крови потомкам. Но у этого постулата была и своя обратная сторона. «Стремление вести себя соответственно принятой аристократическим обществом модели поведения, с одной стороны, возвышает каждого, кто такое стремление испытывает, так как сам образец для подражания достаточно высок, но, с другой, превращает чувство чести в источник гордости; гордость индивидов, взятая в сумме, преобразуется в «классовое» чванство, то есть вырождается в высокомерное третирование всех тех, кто уже в силу своего «низкого» происхождения лишен счастья к этому обществу принадлежать»³⁸.

37Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М., 2006.с. 49.

38Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М., 2006. с. 155.

Честь для рыцаря не только личная добродетель, но и достоинство всего рода, которое как наследство передается в семье из поколения в поколение, это некое коллективное достояние.

Близко по характеристикам к понятию чести примыкает в рыцарской культуре и понятие великодушия и милосердия. Являясь понятиями из церковной области, больше всего практического приложения эти характеристики находят именно в военном аспекте рыцарства. «Слово чести», занимающее одно из центральных мест в рыцарской культуре с высокой долей вероятности выросло из системы оплаты выкупа – когда оказавшийся в плену рыцарь для сбора необходимых средств отпускаясь на свободу, и его место по древнему обычаю занимал его родственник, становясь гарантом выполнения соглашения. Поддержанный христианским постулатом милосердия, проникнув в рыцарские романы, этот обычай закрепился там в виде клише, и превратился в идею дарования пощады побежденному противнику, поскольку его гораздо выгоднее становится взять в плен и получить за него выкуп. Но подобная милосердная тактика распространялась только на рыцарей, пехотинцы подвергались избиениям или уничтожению, также как и рыцарь, попавший в руки пехоты неприятеля, вряд ли мог рассчитывать на пощаду. Это была внутренняя этика рыцарства.

Еще одна черта, пришедшая в рыцарскую культуру из аристократической среды это необходимая для настоящего рыцаря щедрость. Эта черта, свойственная даже не столько аристократии вообще, а в особенности необходимая королям постепенно плавно перетекла и в характерные рыцарские черты. Королевская щедрость по отношению к тому же рыцарству есть залог социального мира в государстве, ибо обиженный королем рыцарь может стать и бунтарем. Щедрость здесь не форма благотворительности или помощь обездоленным. «Это — дар, это — благодеяние социального порядка, призванное скрепить единство рыцарства как корпорации, привязать к патрону рыцарей, которые ему служат»³⁹.

Одной из основополагающих черт, образов, с которым связано понятие рыцарства в нашем сознании – это понятие куртуазности. Под этим термином

³⁹Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М., 2006. с. 152.

можно понимать кодекс правил хорошего тона. Избегать высокомерия, зависти, бахвальства, злоречия — все эти черты не к лицу рыцарю; любить веселье, песни и дам, любить их всем сердцем, несмотря на причиняемые рыцарю муки любви. И, несомненно, любовь к даме занимает в этой системе ценностей не последнее место. Понятие нравственного поведения и законов приходит в рыцарскую культуру из Ветхого завета. Изначально помощь слабому и защита беззащитного воспринимается как долг каждого христианина. Но мало-помалу ответственность за покровительство бедным, вдовам, сиротам, которую библейский текст возлагает на всю общину, берут на себя, с одной стороны, церковь, выразителем этого направления в её структуре становится епископ, а с другой — короли. Постепенно сама Церковь, становясь крупным землевладельцем и начиная страдать от захватнических набегов своих и чужих, начинает относить себя к требующим защиты, и необходимость защищать слабых переносится на военные власти, в первую очередь на короля. Это превращается в основу королевской этики, таким образом, король становится гарантом мира. Подобные же требования начинают применяться и к тем, кто исполняет его власть на местах, его подчиненным. Постепенно герцоги и князья, оттягивая на себя власть, особенно в период ослабления центрального управления и перенесения центра контроля в замки, берут на себя и эту королевскую функцию. Далее, рыцарство, стараясь создать союз с аристократией, во многом перенимает свойственные ей черты, в том числе и идею защиты и охраны Церкви и её владений. «От аристократических фамилий ожидалось: поведение примерное, поступки похвальные, пожертвования щедрые, оказываемое Церкви покровительство — энергичное и действенное»⁴⁰.

Военная составляющая во многом уже рассмотрена выше. Практика рыцарства требовала развития необходимых физических и моральных качеств, и предполагала наличия довольно большого количества свободного времени для тренировок. Постепенно военная корпоративная общность рыцарства начинает объединяться с дворянской общностью, это процесс происходит не полностью — не все рыцари-дворяне, как и не все дворяне-рыцари, но объединение

⁴⁰Там же. с. 36.

культурных компонентов происходит достаточно в большом объеме в XIII-XV веках.

§3. Праздник в культуре рыцарства.

Посвящение.

Обряд посвящения приходит в рыцарскую культуру из традиций германских племен. «Вручение оружия, то есть то, что, по сути своей, и означает обряд посвящения в рыцари, в ранних, «дворянских» текстах обычно связывается с одной из двух возможных ситуаций: с переходом в соответствующий возрастной класс или же со вступлением в военный отряд»⁴¹. Вступление в это общество происходило через определенную инициацию, клятву, произносимую над обнаженным мечом. Посвящение отмечалось как значимое событие, обряд приурочивался к важным церковным праздникам, или к свадьбе сеньора, самым же почетным было получить посвящение на поле сражения, до или после боя. С этим обрядом связано и изменение социального статуса юноши - социальный статус сеньора оказывал благодатное воздействие на положение самого рыцаря. Именно эти, передаваемые неопиту частицы славы становятся объяснением так часто встречающихся в рыцарских романах стремлений молодых юношей получить посвящение именно из рук короля Артура или быть посвященными кем-то из его знаменитых рыцарей, например, Ланселотом. Также посвящение связано и с идеей вассальной зависимости.

Постепенно, обряд посвящения несколько видоизменяется и в XII веке получает форму массового. Ритуал при этом становится более пышным, сопровождается расшитыми золотом одеждами и разукрашенными щитами. «Без сомнения большая часть посвящаемых в рыцари во время массовых обрядов - это богатые молодые люди из хороших семей, воспитывавшиеся при дворе того или иного представителя знати и зачастую вместе с его наследником, для которого, собственно, этот обряд и устраивался. И это не просто соблюдение определенного ритуала; скорее, здесь можно предположить начало некоей общественной консолидации посредством яркого, впечатляющего обряда и тех сословных связей, которые закладывались и укреплялись благодаря воспитанию в одном и том же доме (или одних и тех же условиях), и

⁴¹Кин М. Рыцарство. М., 2000. с. 124.

одновременно создание костяка будущей боевой дружины или отряда для наследника того или иного представителя знати»⁴².

Обряд посвящения включал в себя следующие компоненты – омовение, облачение в белые одежды и опоясывание мечом. Изначально исключительно светский обряд получает свое воплощение и как церковное сакральное действо, в него включаются такие элементы как ночное бдение, утренняя месса с чтением определенных псалмов, благословление меча, и именно церковное лицо становится тем, кто этот обряд проводит. Единственным светским действием остается надевание неопиту золотых шпор, эту процедуру производил кто-нибудь из присутствующих представителей знати. Стремление Церкви получить контроль над рыцарством нашло свое выражение и в попытках «клерикализации» процесса посвящения. Но, если в случае с вручением власти королю Церкви удалось отстоять исключительность своего первенства в деле посвящения, то иной ситуация сложилась с рыцарскими обрядами. В силу своей слишком тесной связи со светскими институтами и моментами, такими как достижение совершеннолетия, достаточное умение владеть оружием, необходимость знатного происхождения и высокого общественного положения, не сформировавшимся пониманием необходимости именно церковной составляющей обряда посвящения, огромным количеством посвящаемых, обряд вступления в рыцарское сообщество так и остался делом преимущественно светским. «Верная светская служба была идеалом, слишком глубоко коренившимся в мире германских традиций, где, собственно, и зародился обряд посвящения в рыцари, чтобы какая-то другая функция рыцарства могла с этим спорить»⁴³.

В позднее средневековье изменения, произошедшие с обрядом посвящения в рыцари, не внесли каких-то явных перестроек в описанный обряд. В основном изменения касались количества желающих и могущих получить посвящение в это сообщество. В источниках, относящихся к позднему Средневековью, выделяются три повода для посвящения. Первый, рыцарство могло быть пожаловано в честь особо пышного приема, устраиваемого

42Кин М. Рыцарство. М., 2000. с.128.

43Кин М. Рыцарство. М., 2000. с. 141.

правителем, или же по случаю его коронации. Вторым поводом является паломничество в Святую землю, получившее широкое распространение в этот период. Третий повод это канун какого-либо сражения, когда рыцарь стремился таким образом умножить свои силы и добродетели. Именно последний становится наиболее популярным в XIV-XV веках. Кроме того, появляется и такая тенденция, посвящение происходило не при вступлении на военную стезю, как бывало, а в середине военной карьеры или даже в конце ее, напоминая скорее чествование ветерана. Как и прежде, посвящение нередко свершается на поле битвы, с тем, однако, отличием, что раньше рыцарями спешили сделаться до битвы, а теперь ими делают выдающихся по своей отваге и стойкости воинов уже после нее — очевидно, в качестве награды и примера для подражания остальным. «Престиж рыцарского звания еще высок, но оно начинает принимать все более декоративный характер: им, рыцарским званием, короли награждают за оказанные им услуги далеко не только на военном поприще»⁴⁴.

Клятва.

Поскольку рыцарство, особенно на стадии своего формирования и на ранней стадии развития было достаточно открытым объединением, доступ в который был возможен для представителей разных сословий и социального положения, сложно говорить о том, что это было однородное «классовое» образование. Основой, служившей скрепляющим компонентом для этой пестрой воинской дружины, была система клятвенного братства, общности, построенной на основе псевдо-кровной связи, где родовая структура была заменена на клятвенный компонент.

В первую очередь, это клятва, приносимая рыцарем в процессе проведения церемонии посвящения в рыцарский орден. Основой для этой традиции является описанное выше военное происхождение ритуала. Обозначавшая вступление в воинское сообщество, рыцарская клятва распространяла свое влияние не только на военные задачи, которые должен исполнять новый член объединения — такие как защита своего господина и участие в военных действиях, но и ряд более всеобъемлющих категорий — как

⁴⁴Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М., 2006. с. 48.

то быть доблестным и защищать слабых, защищать государство от неверных, бороться с ересями и стать защитником Церкви и веры, поддерживать братство и не ступать в соперничество с её членами. Клятва требует от неопита определенного набора моральных качеств и определенного стиля поведения, распространяя свое влияние, таким образом, на все области жизни.

Подобная клятвенная основа была характерна не только для рыцарской системы, но и широко встречалась в форме различного вида корпораций, таких как гильдии и коммуны. Клятва, лежащая в основе гильдии, является клятвой-обетом, клятвой-обещанием, которая во многом предопределяет будущее человека, и связывает его определенными обязательствами. Именно в такой форме существует и клятва, произносимая при посвящении в рыцарский орден. Переоценить значение клятвы в ментальной структуре Средневековья сложно, вся жизнь состояла из сети сложнопереплетенных клятвенных обещаний, пронизывающих структуру общества, как по вертикали, так и по горизонтали. Вертикальные связи образовывались на основе односторонней клятвы, например, следовать за своим предводителем, вассальной клятвой. Равнозначные связи давала помессивная клятва, именно она являлась основой коммунального движения XI-XII веков.

Кроме организационного аспекта, клятва является заменой феномена «кровного родства» и создает иной вид, «родство искусственное». Связанные подобной клятвой индивидуумы становятся равными друг другу, и если говорить о социальном равенстве в средневековье достаточно сложно, то внутри гильдийные отношения были именно такими. Кроме равенства, гильдия на основе принесенной клятвы, была пространством особого права и мира, поскольку приносящие клятву обязались сохранять между собой определенный порядок и защищать его от воздействий извне⁴⁵. На этой основе возникает понятие «произвольного права» - устав, с характером закона, который распространялся на определенную группу лиц или территорию, к этому праву присоединяются все новые члены гильдии, вступая в неё и произнося клятву. Кроме того, гильдии имели собственные суды, которые не только защищали внутреннее устройство от вторжения извне, но и решали споры между членами

⁴⁵Эксле О. Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. с. 104.

гильдий. Кроме защиты от третьей силы внутреннее право гильдии подразумевало еще и необходимость мстить за своих товарищей по гильдии.

Второй значительной компонентой гильдии является гильдейский пир. Это было регулярное событие, собиравшее всех членов гильдии, на нем зачитывались главы устава, происходило поглощение еды и питья. Церковные запреты гильдейских пиров, начинающиеся с VIII века, выступают не столько против совместного поглощения пищи, но против сопровождавшего пир совместного времяпрепровождения: танцев, песен, сценических представлений, надеваний масок. Во многом такое негативное отношения Церкви к подобному роду увеселениям является продолжением давней традиции борьбы с профанным времяпрепровождением и искоренением «языческих» праздников. «Подводя итог, можно сказать, что «гильдия представляет собой объединение на основе взаимно принесенной клятвы, сферу особого (корпоративного) права и мира, особую религиозную общину, движимую идеей братства, с причудливым сочетанием альтруизма и группового эгоизма, принципа элитарности и эксклюзивности»⁴⁶.

Рыцарство во многом представляло собой именно воинскую корпорацию и обладало всеми основными признаками этой формы организации. Рассматривая же клятву, как неотъемлемую часть корпоративной этики, помимо описанной выше клятвы, приносимой в процессе вступления в рыцарскую общность, имело место такое родственное по своему механизму понятие, как «слово чести». Это форма клятвы выражалась в исполнении взятого на себя обещания, исходя из того, что обязательность его продиктована именно внутрикорпоративной этикой. Нарушить подобное обещание было равноценно предательству по отношению к той общности, в которую рыцарь вступал, проходя обряд посвящения. Не только в момент вступления в корпорацию, но и на протяжении всего жизненного пути рыцаря клятвенные обязательства регламентировали практически все аспекты его жизни и накладывали на всю его деятельности определенные моральные ограничения, характерные именно для рыцарского сообщества.

Турнир.

⁴⁶Там же. с. 112.

История рыцарских турниров начинается в тот период, когда начинает складываться и оформляться и само понятие рыцарства, примерно с середины XI до середины XII века. Начало турнирам дают тренировочные бои и различные воинские упражнения, помогавшие поддерживать рыцарей в боевой форме даже в мирное время. Присущий этим занятиям дух борьбы и состязания, становится одной из главных компонентов этого развлечения.

Церковь и королевская власть относились к турнирам резко отрицательно, проклиная эти отвратительные рынки и ярмарки, называемые турнирами, на которые рыцари собираются, дабы продемонстрировать свою силу и безрассудную храбрость⁴⁷. Церковь порицала турниры в первую очередь как бессмысленные кровопролитные мероприятия, обостряющие вражду и соперничество, могущие послужить для дальнейшего разжигания военных конфликтов. Турниры пестовали агрессию, кровожадность, жажду наживы и славы, что не очень соответствует образу примерного христианина. Этот же аспект, а именно турнир – как источник возможных беспорядков беспокоил и светскую власть. Кроме того не оставался незамеченным тот факт, что при желании турнир мог стать объединяющей площадкой для союзного договора против действующей власти.

Агрессивность и опасность турниров объяснялась исключительно воинской направленностью, максимальным приближением этих сражений к реальным боевым действиям. Безусловно, подобная ситуация не могла продолжаться бесконечно и постепенно началась борьба за уменьшение допустимых на турнирах жестокостей. Начинают использовать тупое или специально затупленное оружие, специальные турнирные доспехи. Появляется информация об участии в турнирах судей или «diseurs», а также более четко определяются границы ристалищ, строятся специальные трибуны, дабы судьи могли видеть все происходящее на поле и иметь возможность справедливо присудить награду тем, кто проявил наибольшую доблесть. Рыцарские поединки, встречи соперников один на один, предварявшие общее столкновение двух команд, носившие первоначально стихийный и произвольный характер становятся более популярными, получают определенные правила. Возможно,

⁴⁷Кин М. Рыцарство. М., 2000. с. 152.

росту их популярности способствовало многочисленное описание в литературе судебных поединков, в основном между положительным и отрицательным героями. Такие поединки теперь стали превращаться в круговые турнирные сражения отдельных пар, когда участники выходили с противоположных концов ристалища и сражались друг с другом в присутствии зрителей. Таким образом, постепенно из чисто воинской забавы турнир постепенно превращается в определенный, расписанный в подробностях ритуал, и все больше отличается от настоящего сражения. Одним из ведущих лейтмотивов данных соревнований становится желание захватить трофей, главный приз турнира, обогатиться за счет выкупов, коней и доспехов побежденных соперников. Эта составляющая сильно способствовала росту популярности турнира как такового. Кроме того, отличившийся на турнире рыцарь, получал возможность быть замеченным богатым покровителем и составить себе обеспеченную будущность.

Турнир уже не столько воинская подготовка и тренировка, сколь место завоевания славы, почестей, доходов. Он все больше становится инструментом классового разделения. «Турниры - это состязания для элиты, и уже хотя бы появиться там - в доспехах, с оружием, верхом на отличном коне и в сопровождении собственного оруженосца или даже нескольких оруженосцев - было очень неплохо: это была как бы демонстрация своей полноправной принадлежности к обществу избранных, общества равных по социальному статусу»⁴⁸. В дальнейшем именно эта тенденция найдет максимальное развитие. Все более узкий круг избранных, допускаемых на турниры, все больше требований к родовитости. Подобная ситуация относительно турниров была отражением общего движения на замыкание рыцарского сословия, обусловленного боязнью тех изменений, которые происходили в обществе, того вызова, который богатые буржуа бросали господствующему влиянию знати в обществе. Реакцией на это становится попытки укрепить свое влияние и поддержать идею благородного образа жизни посредством установления своей кастовой исключительности⁴⁹.

48Кин М. Рыцарство. М., 2000. с. 162.

49Там же. с. 158.

Еще одним аспектом объясняющим популярность и долгую, не смотря на все запреты, жизнь турниров является куртуазная составляющая. Помимо жестокости, соперничества, грубости и воинственности фактором, оказывающим немалое влияние на общее восприятие турнира, были дамы. «Однако, взглянув на все это под новым углом зрения - благодаря создателям рыцарских романов, - мы видим совсем иную картину: здесь яркие краски и грубое насилие, сливаясь, сплетаясь воедино, предоставляют возможность мужчинам продемонстрировать свои чисто мужские качества перед восхищенными женщинами»⁵⁰.

Кроме дам, присутствующих на турнирах, нередко выполняющих на них функцию судей, немаловажным было влияние, которое оказывали своим присутствием на этих праздниках разнообразные герольды, менестрели, жонглеры. Они, сведущие в фольклоре, литературе фиксировали, оценивали, обеспечивали основную связь между реальным миром и рыцарской системой ценностей, отраженной в той же литературе. Именно в этой связи, когда реальный мир черпал вдохновение в литературных образах, одновременно являясь и базовым источником для него же, заключается механизм, позволивший рыцарской культуре получить такое широкое распространение. Кроме того, турнир являлся мероприятием, соединявшим людей из разных городов и стран, и они разносили с собой крупицы этой культуры повсеместно. Так что вместе с литературой этого периода, бравшей краски и различные их оттенки в тех пышных действиях, которые сопровождали турниры, эти рыцарские состязания сыграли исключительно важную роль в плане определения рыцарства как интернациональной военной и аристократической идеологии, законы, отношения и ценности которой практически не знали границ. В этом смысле турниры почти наверняка оказывали даже более сильное воздействие на формирование рыцарской культуры, чем крестовые походы. «А потому важно помнить также, что турнир, хотя можно ошибочно считать его просто спортивным состязанием, серьезными и думающими современниками отнюдь так не воспринимался. Они считали турниры подготовкой к более

⁵⁰Там же. с 166.

значительным свершениям, а приобретаемый во время этих состязаний опыт - шагом вперед по стезе рыцарского самосовершенствования»⁵¹.

Война и победа над врагом.

Восприятие самого понятия войны и отношение к воинам менялось на протяжении времени. В первые времена христианства для христианина военная служба была неприемлема. После императора Константина империя становится христианской и начинается процесс соединения этих двух начал. Процесс неприятия военной службы вообще и военное совершение убийства порождало компромисс - службу в мирное время, или службу не предполагающую убийств. Вскоре, однако, необходимость поддержания порядка и безопасности христианства и империи, соединившихся теперь в единое целое, меняет восприятие войны как таковой. Она остается злом, но к этому злу приходится прибегать, дабы отвести еще большее зло, появляется понятие справедливой войны. Немалую роль в этом процессе играют вторжения варваров, необходимость защиты границы. Большой вклад в процесс формирования нового понимания войны привнес святой Августин. Он проводит границу между неприятием несправедливой войны и признанием войны справедливой. Эта концепция будет активно развиваться и его последователями. Августин становится основоположником идеологии, которая разделяет сферы деятельности на мирскую и духовную – одни борются с демонами силами молитвы, другие мечом с варварами. Воинская служба как таковая перестает быть непристойным для христианина занятием. Появляется различие в контексте, если война используется для угнетения и насилия, то она имеет дурной и дьявольский характер, если же для защиты родины, граждан, собственности, то она справедлива и угодна Богу. Меняется и восприятие воина, если вплоть до XI века убийство и пролитие крови на поле битвы считается грехом и каралось епитимьей, то со временем отношение меняется на прямо противоположное: «Itaque viriliter age, securus esto, funde sanguinem inimicorum Christi (Так что действуй смело и будь спокоен, проливая кровь

⁵¹Кин М. Рыцарство. М., 2000. с. 181.

врагов Христовых)»⁵². Идея справедливой войны также проходит процесс эволюции для того чтобы переродиться в войну священную в X веке.

Для рыцаря война была самым престижным и достойным способом умножения своего достоинства и завоевания славы. Рыцарская конница во всех войнах Средневековья играла внушительную роль и оказывала не только физическое влияние на возможность победы, но была и мощным психологическим фактором.

В связи с определенными особенностями рыцарской культуры их поведение на войне имело некоторые специфические черты. Например, некий «игровой» характер сражения, где преимущество отдавалось все-таки не убийству противника, а победе над ним и пленению с получением выкупа. «Что касается выкупа, то этот обычай восходит к самым древним временам. В своей первоначальной форме похищения людей в ходе частных войн он встречал противодействие общественного мнения уже с начала XI века, но лишь в тех случаях, когда дело шло о невооруженных и беззащитных; получение же выкупа за пленного воина считалось вполне допустимым»⁵³. Тактика вымогательства выкупа позволяла рыцарям извлекать из войны материальную выгоду, и служила стимулом для проявления великодушия.

Рыцари в сражениях гибли редко. Это объясняется их большей защищенностью за счет доспех по сравнению с пехотой, также тем фактом, что на протяжении всего Средневековья массированные лобовые атаки были не столь частым явлением, по сравнению с осадами крепостей и грабительскими набегами на земли противника. Одна из приемлемых для этого периода форм войны – это разорение территории противника, включая грабеж, угон скота, захват урожая, поджоги, разрушения и всевозможное хищничество, дабы подорвать экономику соперника и вынудить его к капитуляции. Так же весьма распространенной была форма войны в виде осады замков, крепостей, сопровождавшиеся также всяческими разорениями. Грабеж рассматривался как неотъемлемое свойство рыцарской профессии, добыча, отнятая у противника, считалась вполне законной и делилась на три доли – князю или королю,

⁵²Флори Ж. Идеология меча. Предистория рыцарства. СПб., 1999. с. 13.

⁵³Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М., 2006. с. 74.

командному составу и солдатам. Воины, ворвавшиеся на чужую территорию, при отсутствии интендантской службы грабили также не только ради добычи, но и с целью накормить себя и своих лошадей.

Военная служба королю или князю, осуществлялась не только рыцарями, находившимися в вассальной или ленной зависимости от своего сюзерена, она велась также на основе наемнической формы организации войска. Нередко, после отбытия официального бесплатного периода на полях сражения, к которому обязывали кормления или земельные наделы воины оставались в рядах войска, но уже на платной основе. И этот момент играл достаточно большое влияние в формировании привилегированного положения рыцарства, поскольку тяжеловооруженная конница всегда была самой высокооплачиваемой категорией воинов.

Но с течением времени рыцарский статус из чисто военного превратится в аристократически-дворянское понятие, вступление в это сообщество станет пожалованием, которым король мог наделить и лицо, совершенно не имеющее отношение к воинским обязанностям. Изменение в военном деле, рост влияния легких и мобильных войск в лице лучников, арбалетчиков, совершенствование осадных механизмов, и наконец, приход артиллерии окончательно сведет на нет воинскую составляющую рыцарской культуры.

Охота.

Охоту в аристократической среде ценили и превозносили в Средние века, прежде всего, как область, в которой рыцарь мог показать свою силу и отвагу, ибо сражение с раненым вепрем или медведем было столь же опасным, как и единоборство с вооруженным врагом. Погоня за дикими оленями развивала искусство верховой езды, необходимое воину. «Охота, любимое развлечение рыцарей, предоставляла им встречу в густых и обширных лесах с дикими зверями, тогда еще очень многочисленными в странах Западной Европы. На зверей принято было выходить прежде всего с луком, но также с копьем и мечом»⁵⁴. Занятие это было чрезвычайно массовое, требовало предварительной подготовки и хорошей организации. Охота являлась одной из привилегий, дарованных рыцарям и аристократии, и которые они всеми силами

⁵⁴Флори Ж. Повседневная жизни рыцарей в Средние века. М. 2006. С.75.

старались сохранить во все периоды. Вместе с пенсиями, освобождением от уплаты налогов, право охотиться в лесах своего сюзерена воспринималось как неотъемлемая часть рыцарства. Кроме того, знание и умение охотиться было обязательным требованием для представителя избранного сообщества. «Даже представителю небогатой знати следовало, по мнению общества, жить в приличном доме, по возможности обнесенном зубчатой стеной с амбразурами и башенками, дабы это придавало его жилищу вид замка; он должен был также держать для охоты соколов и гончих псов и знать в этом толк, чтобы уметь со знанием дела поддержать соответствующий разговор»⁵⁵. Охота была прежде всего делом престижа, и поэтому богатые люди того времени, не считаясь с серьезными затратами, содержали на своих подворьях псарни с большим поголовьем собак, специализирующихся на работе по крупному зверю, и довольно многочисленную охотничью прислугу.

Охотой в отличие от войн и турниров занимались во все времена года. Очень часто охота превращалась в настоящую страсть, не знающую границ. Впрочем, занятие ею диктовалось не только страстью, но и необходимостью. Питание тогда было, в основном, мясным, и благодаря охоте стол сеньора обеспечивался крупной и мелкой дичью. Иногда же целью было уничтожение некоторых хищных зверей (лисиц, волков, медведей), которые угрожали урожаю, домашней птице, а порой и крестьянам.

Существовало несколько видов охот, основными из которых были псовая и соколиная. Псовая охота всегда была привилегией высших классов, поскольку для ее проведения требуются лошади, конюхи, собаки и соответственно — снаряжение, что стоило очень дорого. Особое место следует отвести соколиной охоте, появившейся на Западе в начале XI века и очень быстро ставшей одним из излюбленных развлечений аристократического общества. Будучи действительно в высшей степени благородным занятием, жестоким и красивым одновременно, коим не пренебрегали даже дамы, она вместе с тем представляла собой весьма сложное искусство, изучению которого будущему рыцарю приходилось посвящать не один час занятий. Он должен был знать, как поймать птицу, как ее кормить и ухаживать за ней, как научить ее слушаться жестов и

⁵⁵Кин М. Рыцарство. М., 2000. с. 278.

посвистываний, распознавать жертву и охотиться. Владеть этой в высшей степени благородной птицей вилланам (крепостным) было запрещено, да и стоимость покупки и содержания этой птицы была велика.

Ограничение на охоту, имевшее изначально чисто практическое основание (поскольку в результате чрезвычайно высокого истребления дикого зверя стали возникать определенные трудности), владельцы земель вводят ограничения, а потом и полный запрет на охоту на своих землях кого-либо, кроме определенного круга приближенных лиц. Постепенно этот запрет трансформируется в уже упомянутую привилегию и начинает цениться сам по себе, как определенный статусный компонент в существовавшей системе ценностей. Такую же эволюцию проходит и значение этого вида деятельности – от физической тренировки и необходимости добывать пропитание охота становится пышным придворным выездом, требующим подготовки, организации и целого штата обслуживающего персонала. В XIV и XV вв. богатые дворяне стремились сделать охоту настолько роскошной, насколько могли и это становится главным её содержанием.

§4. Роман «Смерть Артура».

В обстановке столкновения старого и нового, традиционного и новаторского и возникает роман Томаса Мэлори "Смерть Артура", несущий на себе отпечаток бурной и противоречивой эпохи. Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола прошли несколько эволюционных этапов, нашедших отражение в литературе и культуре соответственного периода. И в этом ряду произведение Мэлори как бы последнее прощание с миром легенд и вымысла куртуазной поры. Но на этом произведении не закончилась история короля Артура, можно говорить о прямо противоположном процессе, после Мэлори начинается новая череда пересказов, переделок этой темы. Не смотря на отсутствие таких характерных для рыцарских романов красочности и описательности рассказа, роман Мэлори остается в пределах куртуазной идеологической и сюжетно-стилистической системы.

Миновала Столетняя война, но новые, на этот раз внутренние противоречия привели к новой войне Алой и Белой розы, посеявшей раздор и распри между старинными родами, приведшей в гибели столь любимое

Томасом Мэлори старое рыцарское сословие. В этих условиях его роман не мог не превратиться в нечто большее, чем простой свод артуровских романов. Обращение писателя к старым рыцарским романам - это не просто проявление ностальгии по уходящему "золотому веку" рыцарства, но это и попытка воссоздать в новых условиях старый рыцарский идеал, воссоздать его как назидание. Стараясь вдохнуть вторую жизнь в рассказ о рыцарях Круглого стола, Мэлори старательно вводит героические и эпические мотивы, удаляет мистику и религиозную основу многих событий. Ведь борясь в своем романе за право рыцарства, в его лучшем понимании и идеальном образе, на существование, Мэлори связывает историю Артура с современной топонимикой и реальными, современными ему событиями, это хорошо видно в последней книге романа, такой эмоционально насыщенной и патетичной, где он рисует картину, свидетелем которой был сам. «В век предательства, насилий и стяжательства Мэлори во всеуслышание провозгласил простую веру в храбрость, преданность и честь как основу общественного порядка»⁵⁶.

С самого начала роман Мэлори несет в себе пронизывающую его насквозь идею – это поиск идеала государственного устройства. Сила государства - не в могуществе самого монарха, сила государства - в людях, составляющих это государство. И узнавая это, король Артур предъявляет своим рыцарям целый ряд требований, представляющих собою, в совокупности, моральный кодекс братства рыцарей Круглого Стола, быть верными которому они клянутся каждый год, собираясь за Круглым Столом в день Пятидесятницы.

И, тем не менее, для него, очевидца военных баталий, вряд ли было неясно, что гибель старого рыцарского сословия неизбежна, по сути, и причина этой гибели таится в действиях самих людей. В центр своего внимания писатель ставит судьбы отдельных рыцарей, действиями которых, подчас независимыми от их желания и воли, были подготовлены и мотивированы кризис и крах рыцарского братства. Среди них решающая роль будет принадлежать Ланселоту, признанному лучшим среди рыцарей Круглого Стола и симпатия самого Мэлори к которому видна с первого момента его появления.

С крахом государства Артура погибает человеческий идеал, воплощенный для

⁵⁶Мортон А. Артуровский цикл и развитие феодального общества // Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с.790.

Мэлори в образах Гарета и Ланселота. Погибает и нечто большее: целая система человеческих отношений, основанная на законах равенства, братства, любви, взаимопонимания и доверия людей друг к другу. Моральные устои, выработанные трехсотлетней (для Англии) рыцарской культурой, рушились на глазах у Мэлори. И стремление удержать их, воплотив в художественной форме все лучшие стороны этики и эстетики мира рыцарства, ни к чему не привело. Утверждая свой идеал по старому рыцарскому образцу, Мэлори лишь пришел к выводу о неизбежности его гибели. Вряд ли он был досягаем, этот идеал в век войн и раздоров. К нему можно было стремиться, им можно было восхищаться, но он остался лишь порождением художественной фантазии.

Глава III.

§1. Праздники жизненного цикла в романе Т. Мэлори «Смерть Артура».

Посвящение в рыцари.

Праздники в романе как вехи основных ярких событий в жизни, посвящение в рыцарство, свадьба, суд, похороны. В центре внимания автора оказывается жизнь отдельных героев романа. И это прежде всего описание жизни воина, состоящего в воинском братстве, чья жизнь начинается с ритуала посвящения в рыцари, когда его вводят в круг общины, объединенной клятвенной верностью и определенной культурой, поведением и родом занятий. Основным занятием для героя романа является рыцарский подвиг, который включает в себя достаточное количество компонентов. Это и состязания и увеличение своей физической силы на турнирах и при личных стычках, защита прав слабых, помощь и защита дам, преодоление тягот и невзгод скитальческой жизни, защита себя, своей чести и своего господина от внешних нападений, война со всеми существующими видами зла, реальными и мистическими. В жизни этого человека кроме войны присутствует понятие братства, помощь и защита и кровного родственника и собрата по клятвенной общности. Есть в его жизни и любовь, но зачастую чувство это гораздо слабее кровных уз. Лишь один герой ставит свои чувства выше долга рыцаря и приводит это к печальным результатам.

В романе практически не прописана тема детства. Кроме упоминания, что Артур приказывает собрать всех рожденных первого мая, дабы уничтожить младенцев и защитить себя от предсказания Мерлина, что сын его, родившийся первого мая, станет причиной его смерти и разрушения Круглого Стола. Даже встречающиеся описания детских лет очень скромны. Например, Галахад-дитя упоминается только вскользь, когда в замок к королю Пелесу приезжает Борс Ганский и видит на руках Элейны младенца похожего ликом на Ланселота, и она подтверждает, что это его сын. Александр–сирота упоминается как младенец, с которым мать бежит от преследования короля Марка и уже следующим этапом говорится о нем в возрасте, когда его пора посвящать в рыцари. Сэр Борс находит своего сына Элина уже подростком и забирает его с

собой ко двору Артура, чтобы посвятить в рыцари. И сам Артур фигурирует в романе сначала как младенец, которого передали на воспитание сэру Эктору, а уже сразу после этого появляется как оруженосец Кэя, в юношеском возрасте. Детство явно не является каким-то особо важным этапом жизни человека, и потому возможно нет описания празднований рождения младенца. Значимость и вес молодой человек приобретает только в том возрасте, когда он готов держать в руках оружие и вступить в рыцарское братство.

Первое упоминание процесса посвящения в рыцари – это рассказ о короле Артуре. На праздник Пятидесятницы многие желающие находятся попытать счастье и вытащить королевский меч из камня. Но в который раз с этой задачей справляется только Артур. И тогда народ высказывает свое желание видеть Артура своим королем: «все видят: на то Божья воля, чтобы быть ему нашим королем. А кто против, убьем того.

Тут пали все на колени, и богатые и неимущие, и возопили:

— Смилуйся, Артур, прости, что не признавали тебя так долго!

Артур простил их и, взявши меч обеими руками, склонил его пред алтарем, где стоял архиепископ. Так был он возведен в рыцари достойнейшим из бывших там мужей. Вслед за тем была устроена коронация, и там поклялся он своим лордам и общинам быть им настоящим королем и стоять за истинную справедливость отныне и до конца дней своих. Тогда же повелел он, чтобы все лорды, державшие владения от короны, приблизились к нему и оказали ему почести, какие подобало»⁵⁷.

Артур возведен в рыцари архиепископом Кентерберийским, в отличие от других описаний этого процесса, где посвящает в рыцари именно рыцарь. Рассматривая историю развития процесса посвящения, данный факт изначально обозначает Артура как короля, ведь прерогатива посвящения и коронации монарха принадлежала именно Церкви. И первым действием, которое предпринимает Артур – это клятва лордам и общинам. Это связующая основа всех отношений в романе, основа многих действий и поступков. Сообщество, основанное на клятве это и рыцарство Круглого Стола, члены которого ежегодно повторяют на Пятидесятницу клятву верности и само государство Логрское. Право Артура на престол доказано знаменем свыше – это меч в

⁵⁷Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 20-21.

камне, подтверждено клятвой народу и кровным родством с королем Утером, что правда открывается несколько позже. Как праздник, данное посвящение в рыцари есть отправная точка развития сюжетной линии главного героя, также некий сакральный акт, поскольку действие происходит не только в церковный праздник, но и при участии архиепископа и активном вмешательстве в процесс Мерлина, представляющего собой мистический элемент романа.

Так же, как и описание посвящения Артура, рассказ о посвящении в рыцари Александра-сироты помимо сюжетной нагрузки – мать рассказывает ему о смерти его отца и предательстве короля Марка, является и образом инициационного испытания – Александр участвует и побеждает в турнире. Как и посвящение Артура, ритуал происходит в церковный праздник, на Благовещенье. И, как и Артур, Александр приносит клятву, но не в верности, а клятву отомстить кровному врагу. «Любезная матушка, вы возложили на меня великое дело, и вот я клянусь вам, что отомщу королю Марку, когда только сумею, в том я даю клятву перед господом и перед вами»⁵⁸. Посвящение Александра носит и характерные для позднего этапа развития рыцарства черты массового посвящения. Когда воспитанные и обученные при одном дворе юнши принимают посвящение вместе с сыном своего сюзерена, таким образом, формируя внутренний костяк общности будущей военной дружины, патрона и его вассалов. Это подчёркивает важность такого аспекта как внутренняя мотивация внутри рыцарского сообщества, на укрепление привязанностей внутри сообщества направлено большое количество усилий, в том числе и в форме обряда посвящения.

В день свадьбы Артура и Гвиневеры происходит два посвящения в рыцари – сэра Гавейна, который испросил себе такую милость, быть посвященным Артуром и Тора, бастарда короля Пелинора.

«Тут выступил юный Гавейн и стал просить у короля, чтобы исполнил он его желание.

— Проси, что хочешь,— отвечал король,— и я удовлетворю твою просьбу.

— Сэр, я прошу у вас, чтобы вы посвятили меня в рыцари в тот самый день, когда обвенчаетесь с леди Гвиневерой.

⁵⁸Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 417-418.

— Я сделаю это с доброй охотою,— отвечал король,— и окажу вам все надлежащие почести, ведь вы мой племянник, сын моей сестры»⁵⁹.

В сам же день свадьбы прибывает ко двору Артура бедный человек, скотопас Арий, и просит короля в честь праздника исполнить желание его сына, и посвятить того в рыцари. «Велика милость, что ты испрашиваешь,— сказал король.»⁶⁰. Но Артур видит, что сын его Тор отличен от всех других тринадцати сыновей, находит его хорошо сложенным, и решает исполнить его просьбу.

«Ну,— сказал король Артур скотопасу,— а где же меч, коим быть ему посвященным в рыцари?

— Вот он,— отвечал тут Тор.

—Извлеки его из ножен,— сказал король,— и проси у меня, чтобы я произвел тебя в рыцари.

Тор соскочил с кобылы, вытащил меч свой из ножен и, став на колени, просил короля, чтобы посвятил он его в рыцарство и принял в рыцари Круглого Стола.

— Рыцарем-то я тебя сделаю,— и король ударил его по загривку мечом. — Будь же добрым рыцарем, о чем молю за тебя господа, и ежели окажешься ты доблестным и достойным, то будешь ты и рыцарем Круглого Стола»⁶¹. Мерлин же рассказывает, что отцом Тора на самом деле является король Пелинор, что подтверждает и его мать. Посвящение Гавейна также происходит в день свадьбы. «Король и Гавейна произвел в рыцари, но первым был Тор в тот праздничный день»⁶². И в первой и во второй просьбе о посвящении стоит обратить внимание на то, что вопрос хорошего происхождения, принадлежности к элитному классу необходимое условия для вступления в рыцарский орден, это будет повторяться в романе еще много раз. Кроме того происходит уточнение нюанса – посвящение в рыцари и посвящение в рыцари Круглого стола совершенно разные вещи. В романе не однажды славные и доблестные рыцари будут введены в Круг, но это происходит как награда за заслуги, как поощрение за доблесть и службу и нередко сопровождается процессом наделения землями.

⁵⁹Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 74.

⁶⁰Там же. с. 74.

⁶¹Там же. с. 74-75.

⁶²Там же. с. 76.

Еще один яркий пример возведения в рыцари юноши – это посвящение Галахада. В канун Пятидесятницы к королю Артуру приезжает девица и просит сэра Ланселота сопроводить её. Он отправляется с ней, приезжает в монастырь и там ему приводят юношу, прося возвести его в рыцарское сословие.

«Поглядел сэр Ланселот на юного пажа и увидел, что он хорош собою и кроток, как голубица, и исполнен достоинств, и подумалось сэру Ланселоту, что среди сверстников не попадался ему ни один столь совершенный обликом. И сказал тогда сэр Ланселот:

— От него ли самого исходит это желание?

И отрок и все они отвечали: «Да!»

— Тогда,— сказал сэр Ланселот,— он получит посвящение в Рыцарский Орден в славный день великого праздника.

И устроили Ланселота на ночлег со всем радушием. А на утро при первых лучах зари он по желанию Галахада посвятил его в рыцари и сказал:

— Бог да сделает тебя хорошим человеком, ибо красотой ты не уступишь никому на этом свете»⁶³. Во всех описаниях звучит мотив родовитости, которая видна даже невооруженным взглядом. И Александр-сирота, и Тор («лицом он отменно пригож и сложения для своих лет редкого») и Галахад («лицом столь прекрасен и статен телом, что едва ли можно было в мире сыскать ему равного») отличаются статью, красотой, которая не может не быть свидетельством их благородного происхождения. И как Гавейн просит посвящения у достойнейшего со его точки зрения рыцаря – у короля Артура, так и Галахад у отважнейшего и сильнейшего рыцаря – своего отца Ланселота. Ведь вопрос славности – один из краеугольных в рыцарском сознании, это и погоня за славой в сражении, и честь борьбы с более славным соперником, и, конечно, принятие посвящения в рыцари от руки славнейшего. Об этом свидетельствует и высказывание Гарета, когда перед сражением с Красным Рыцарем Красного Поля леди Лионетта просит сэра Персианта посвятить Гарета в рыцари, тот соглашается при условии согласия со стороны Гарета, Гарет же отвечает ему: «Сэр,— отвечал Бомейн,— я вас благодарю, но мне уже посчастливилось в этом: сам сэр Ланселот Озерный посвятил меня в рыцари.

⁶³Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 546.

— О!— воскликнул сэра Персиант,— более почетного посвящения не могли бы вы удостоиться, ибо среди всех рыцарей он должен быть назван главою рыцарства, и по всему свету идет молва, что славу истинного рыцарства разделили между собой три рыцаря: сэра Ланселот Озерный, сэра Тристрам Лионский и сэра Ламорак Уэльский»⁶⁴. Отблеск славы благородного рыцаря падал и на неопита, которого рыцарь посвящал в эту военную общность. Именно этим объясняется подобное стремление, не раз упоминающееся в романе.

Чуть раньше находится и рассказ о том, как сэра Ланселот посвятил Бомейна-Прекрасные Руки в рыцари. После того, как Бомейн отправляется в свое первое приключение, побеждает заносчивого сэра Кэя, вступает в схватку с сэром Ланселотом, не уступает ему в силе, они расходятся полюбовно, и Бомейн просит сэра Ланселота посвятить его в рыцари. Единственно условие, поставленное Ланселотом – это открыть ему тайну своего имени, Бомейн исполняет, и рассказывает что он Гарет Оркнейский, брат сэра Гавейна. Сомнений у Ланселота не остается, «и посвятил его сэра Ланселот в Рыцарский Орден»⁶⁵.

Сэра Тристрама посвящает в рыцари король Марк. Приехав ко двору своего дяди, короля Марка, Тристрам узнает, что явился в Корнуэлл рыцарь от Ирландии с требованием дани, и нет ни одного рыцаря у короля Марка, который согласился бы выступить против этого сэра Мархальта и защитить честь Корнуэлла. Тристрам просит у короля, чтобы тот посвятил его в рыцари.

«- Кто вы такой? — спросил король.— И откуда вы прибыли?»

— Сэра,— отвечал Тристрам,— я прибыл от короля Мелиодаса, который некогда был женат на вашей сестре, и знайте, я и сам рождения благородного.

Поглядел король Марк на Тристрама, видит, годами он еще совсем юн, но собою очень ладен, крепок и высок»⁶⁶. Марк соглашается на посвящение Тристрама, с условием, что тот сразится с сэром Мархальтом. Тристрам уверяет его, что именно за этим и приехал он к королевскому двору, и посвящение происходит, как и последующее сражение с Мархальтом, которого сэра Тристрам побеждает. Опять два необходимых требования для неопита –

⁶⁴Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 210.

⁶⁵Там же. с. 198.

⁶⁶Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 253.

происхождение и сила. Внешние данные являются символом скорее благородства и красоты духа, нежели телесными характеристиками, поскольку описаны как всегда в довольно общих чертах: «когда же предстал он пред ними в полном облачении, то мало кто из мужей был столь блистателен и хорош собою»⁶⁷.

Сам же сэра Тристрам посвящает на турнирном поле в рыцари Эба Достославного, присланного к нему гонцом от дочери французского короля в то время, когда он лечится от раны при дворе Ирландского короля. Упоминается в романе также факт посвящения в рыцари королевского шута, сэра Дагонета. Он был сильно любим королем Артуром и собственноручно посвящен им в рыцари. Персиваль Уэльский также удостоился посвящения в рыцари от короля Артура, правда, по просьбе его брата, сэра Агловаля. И поскольку прибывает Персиваль ко двору простым пажом, и не отмечен еще никаким доблестями и достоинствами, король соглашается принять его в рыцари с такой формулировкой: «ради сэра Ламорака и ради отца его он будет завтра возведен в рыцарское достоинство»⁶⁸. Еще одно описанное в романе посвящение - сэра Кастор, нежданно-негаданно помогший сэру Ланселоту в пору его безумия быть узанным леди Элейной получил свое посвящение от своего дяди короля Пелеса в день Сретенья Господня.

Во время римского похода Артур захватывает пленников, и поручает Ланселоту доставить их в Париж. Император Луций решает отбить своих пленных, и предстоит сражение. Предвидя битву, Ланселот посвящает в рыцарей нескольких своих товарищей. «И вот сэра Ланселот и сэра Кадор, два могучих герцога, посвятили новых рыцарей на добычу славы. И первым был Йоник, благороднейший витязь, и сэра Хектимер и сэра Алидук, оба рожденные в Английской земле, и сэра Хамерель, и сэра Хардольф, доблестные мужи, и еще сэра Харри и сэра Харригаль, оба хорошие бойцы»⁶⁹. Этот эпизод демонстрирует характерный уже для периода расцвета рыцарства пример посвящения на поле боя, когда ритуал мог быть чрезвычайно упрощен и сводился к трём ударам меча по плечам и краткому наставлению новому рыцарю. Такая процедура

⁶⁷Там же. с. 197.

⁶⁸Там же. с. 402.

⁶⁹Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 146.

имеет смысл в качестве вдохновляющего фактора, дабы прибавить доблести и воодушевления воителю.

Часть посвящений в рыцари привязаны к праздничным датам – это Благовещение, свадьба короля Артура и Гвиневеры, дважды упоминается праздник Пятидесятницы, Сретенье Господне. Часть же посвящений происходит на поле брани или на турнире. Посвящения производят архиепископ, король Артур, сэра Ланселот посвящает Галахада и Гарета и других, фигурирует в качестве посвящающего и король Марк, король Пелес, сэра Тристрам. Возраст юношей, проходящих через этот обряд, четко не обозначен, про Тора говорится, что ему восемнадцать лет, и Галахада посвящают в рыцари по исполнению ему полных пятнадцати лет. Дважды ритуал посвящение сопровождается клятвами – Артур клянется лордам и общинам быть справедливым королем, и Александр-сирота клянется матери отомстить за подлое убийство своего отца. Явный процесс испытания, некой инициации в обряде посвящения проходят король Артур, вытаскивая меч из камня, посвящение Александра сопровождается турниром, на котором он одерживает верх над всеми соперниками. Сам процесс посвящение подробно в романе не описан. Лишь упоминается удар по загровку мечом, при описании посвящения Тора. И что Артур, склонившись перед алтарем при своем посвящении, передает меч, которым его посвящают в руки епископа, который и совершает обряд. Скудность описания, скорее всего, связана с тем, что роману вообще не свойственно изобилие каких-то описательных подробных характеристик.

Обязательным условием, как уже отмечалось, была родовитость претендента, его сила и доблесть, он должен был быть достоин этой чести. Введение в это сообщество не только давало какие-то преимущества, но и накладывало ответственность – быть справедливым, наказывать зло и тому подобное. Та связь, которая возникала между посвятившим и посвященным проносилась через все сюжетные перипетии романа – Ланселот неоднократно упоминает, что посвятил его в рыцари король Артур, и потому он будет верен ему и не предаст его никогда. Связь сэра Гарета и сэра Ланселота, строящаяся на взаимном уважении и преклонении перед равной силой соперника, имеет

также в основании и тот факт, что сэра Ланселот провел обряд посвящения Гарета. Именно поэтому ни разу за весь роман эти два славных рыцаря не вступают в поединок, за исключением случаев, когда не узнают друг друга.

Получив оружие, вступив в рыцарскую корпорацию, герой в романе получает доступ в заветный, желанный и такой прекрасный мир рыцарства. Теперь все его деяния, все слова и поступки будут оцениваться уже с точки зрения соответствия или нарушения кодекса рыцарства, чье влияние распространено на все сферы жизни рыцаря. Он будет изображаться в компании только таких же достойных и славных героев, заниматься соответствующими занятиями – воевать, участвовать в турнирах, охотах, прилагать максимум усилий для увеличения своей славы, вступаться за слабых и обиженных, защищать и любить прекрасных дам, сражаться со злом, и быть верным своему слову и господину.

Свадьба.

Описаний свадебных празднеств в романе несколько. Это свадьба короля Утера и леди Игрейны, родителей Артура (в один день с ними происходит свадьба короля Лота и Маркгаузы, и короля Нантеса и Элейны), короля Артура и Гвиневеры, сэра Гарета с леди Лионессой (в один день с ними женятся сэра Гахерис и леди Лионетта, и сэра Агравейн и прекрасная дама Лиурелла), король Марк венчается с прекрасной Изольдой, сэра Лавейн берет в жены даму Филелоли.

Что же представляют собой свадебные торжества в романе? В описании рассказывается, что были на тех праздниках веселие, забавы, радость, изобилие всевозможных яств, песни менестрелей, все, какие только пелись в те времена⁷⁰. Дважды упоминается о длительности этих празднований – свадьбу сэра Гарета играли сорок дней, празднование у короля Марка продолжалось «много дней». Празднование включает в себя и торжественное бракосочетание, и пиршества и несколько раз упоминается турнир, посвящение в рыцари, награждение землями, и так далее. Самым подробным и насыщенным деталями является описание свадьбы сэра Гарета и леди Лионессы, самое краткое описание – свадьба сэра Лавейна и дамы Фифелони.

⁷⁰ Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 241.

На свадьбах, описанных в романе, происходят всевозможные события. У короля Артура свадьба состоит из пышного обряда, проведенного в церкви святого Стефана в Камелоте, венчает их епископ Кентерберийский, после этого происходит пиршество: «потом был пир, и, когда расселись все, как кому подобало по положению, подошел Мерлин к рыцарям Круглого Стола и сказал им, чтобы сидели тихо и ни один не покинул бы своего места»⁷¹. В этот момент в зал внезапно вбегает белый олень, его преследует белая сука, а за ними с великим лаем тридцать пар черных гончих псов. Собака кусает оленя, олень опрокидывает рыцаря, сидевшего за столом. Тот поднимается, хватая собаку и уезжает из дворца. Сразу после этого является дама на белой лошади, заявляющая, что собака была её. За ней же приезжает рыцарь, силой увозит её с собой. Король Артур направляет сэра Гавейна за оленем, Тора за собакой, и короля Пелинора за дамой. Здесь начинается приключения этих трех рыцарей, каждое из которых чрезвычайно поучительно и оканчивается эта история в день Пятидесятницы. Кроме этих чудесных событий на свадьбе короля Артура в рыцари посвящается сэр Тор, бастард короля Пелинора, и племянник Артура сэр Гавейн.

На свадьбе сэра Гарета побежденные им рыцари являются к нему на торжество, приезжают они туда со своими свитами, приносят ему присягу в верности и подчинении, взамен просят должности постельничего, главного дворецкого, стольника и кравчего. Эти должности Гарет распределяет между ними в зависимости от количества вассалов, приведенных ими к его двору. И также на этой свадьбе происходит посвящение, но на этот раз уже в рыцари Круглого стола. Король Артур, проявляющий к своему племяннику сэру Гарету чрезвычайную любовь и оказывающий ему покровительство, принимает в сообщество рыцарей Круглого стола его вассалов - сэра Персинанта с братьями, сэра Иронсида и герцога Де ла Руса, и всех их наделяет земельными вотчинами. Также принимаются в сообщество рыцарей Круглого стола сэр Урий и сэр Лавейн. Великие богатства даются и сэру Агравейну и Гахерису, сыгравшим

⁷¹Там же. с. 77.

свадьбы вместе с сэром Гаретом, подателем этих даров по видимости выступает король Артур.

На свадьбе короля Марка и на свадьбе сэра Гарета происходят турниры. В первом случае отличается сэр Тристрам, на втором торжестве король запрещает новобрачным сражаться, и победа достается Ламораку Уэльскому в первый день, сэру Тристраму во второй, и сэру Ланселоту в третий день турнира.

Стоит отметить, что свадьбы, описанные в романе, происходят исключительно в аристократической среде, женятся только короли и благородные рыцари, они же являются и гостями, в описании пиршества на свадьбе Гарета есть точное перечисление: «короли, королевы, принцы, графы, бароны и доблестные рыцари уселись пировать»⁷².

Свадьбы короля Утера и Артура носят след становления власти, поскольку частично продиктованы необходимостью. Утеру требуется узаконить свои права на наследника, и потому свадьба происходит быстро и скоропалительно, через пятнадцать дней после зачатия Артура. Для Артура же женитьба на Гвиневере не только душевный порыв, но и необходимая ступень в процессе становления лидера. Наличие королевы в данном случае необходимый атрибут, кроме того, его женитьбы требуют и бароны. Подтверждением этой гипотезы может стать присутствие на свадьбе Мерлина, который в начале царствования Артура прилагает максимальные старания, дабы закрепить его власть. В свадьбе сэра Гарета нет такой скоропалительности, заранее назначается место и день, возглашается о предстоящем торжестве во все концы королевства, мероприятие обозначается как массовое и требующее подготовки.

Церковный элемент в свадебном праздновании обязателен, он встречается в нескольких видах – свадьба Гарета справляется в Михайлов день, конец истории о свадьбе Артура происходит в Пятидесятницу, свадьба Лавейна назначается по случаю Пятидесятницы и чудесного излечения сэра Уррия, Гарета венчает епископ Кентерберийский, он же, с высокой долей вероятности проводит и бракосочетание короля Артура и Гвиневеры, свадьба Артура происходит в церкви Святого Стефана в Камелоте. И все же церковный ореол

⁷²Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 242.

данного ритуала не кажется определяющим, он заметно уступает по объему светским мероприятиям, происходящим на свадьбах.

Свадьба в романе достаточно многофункциональное действие. В этих описаниях есть и завязка будущих сюжетов, и описание торжественного и пышного праздника с веселием, песнями, всевозможными яствами. Данные праздники также несут в себе роль места для исполнения неких обрядов – как то посвящение в рыцари, принятие в члены рыцарей Круглого стола, награждение за службу и наделение земельными наделами новых вассалов. Проходя под явным покровительством Церкви эти празднования, тем не менее, вполне могут включать в себя элементы мистических чудес и колдовских персонажей как Мерлин, что вообще характерно для религиозного фона романа.

Гости, возвращение из странствий.

Посещение королевского двора гостями, или возвращение ко двору рыцарей из странствий – повод для праздника. Так же как и отъезд этих рыцарей – повод для печали: «И вот когда король Марк и сэр Тристрам отъехали из Камелота, все там жестоко сокрушались и печалились отъезду сэра Тристрама. И восемь дней ни король, ни его доблестные рыцари не знали никаких развлечений»⁷³.

В процессе становления своей королевской власти Артур ищет союзников, и по совету Мерлина обращается к двум братьям-королям Бану и Борсу за помощью, взамен обещая помочь им с их противником, королем Клаудасом. Они соглашаются, и собираются со своим войском приехать к Артуру. В День Всех Святых назначается пир и турнир в честь приезжающих гостей. «Тогда король повелел приготовить великий пир и по всему своему королевству сзывать охотников на турнир с поединками, и назначил быть тому празднеству в День Всех Святых. Время шло, и все было готово и устроено. И вот те два благородных короля прибыли из-за моря и ступили на Английскую землю, а с ними триста рыцарей в полном облачении и вооружении и для мира, а равно и на случай войны. И приняли их по-королевски и повезли к городу Лондону. А в десяти милях от Лондона встретил их Артур, и все так радовались, что и сказать нельзя.

⁷³Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 402.

В День Всех Святых на великом пиру восседали три короля в просторном зале, и сэр Кэй-Сенешаль им прислуживал, и сэр Лукан-Дворецкий, сын герцога Корнеуса, и сэр Грифлет из Кардала, по прозвищу Божий Сын,— три эти рыцаря распоряжались всей челядью, какая прислуживала королям. А когда они кончили пировать и вымыли руки, тут стали собираться все рыцари, кто хотел выступить и сразиться на турнире. И было их, когда собрались все охотники, семьсот всадников. Короли Артур, Бан и Борс, а с ними епископ Кентерберийский и сэр Эктор, отец Кэя, восседали под навесом из златотканого полотна, словно под сводами дворцового зала, и с ними благородные дамы — чтобы оттуда видеть, кто отличится на турнире, и по своему суду назвать победителей»⁷⁴. Это довольно показательное описание, здесь единственный раз упоминается присутствие на турнире церковного представителя – епископа. Столь пышное пиршество и последовавший затем турнир, прежде всего, должен был продемонстрировать щедрость двора Артура, его расположение к новым союзникам. Присутствие же церковного лица на празднестве обуславливается во многом тем, что на раннем этапе своего правления у Артура два основных помощника – это архиепископ Кентерберийский и Мерлин, что вполне отвечает смешанному характеру понимания «божественного» в романе.

После победы над восставшими против его правления королями Артур при посредничестве Мерлина узнает о том, что помимо божественного проведения он также имеет право на трон как сын своего отца, по праву крови. Артур посылает за королевой Игрейной, и, расспросив её, Мерлина и сэра Эктора, своего приемного отца, получает подтверждением этому. «И тогда заключил король Артур свою мать, королеву Игрейну, в объятия и целовал ее, и плакали они оба на груди друг у друга. И повелел король устроить пир на восемь дней»⁷⁵. В данном отрывке интересен опять-таки присутствующий мистический образ Мерлина, и здесь он фигурирует в качестве краеугольного камня, на который опирается еще не окрепшая власть короля Артура. Показательно, что для отмечания воссоединения с матерью устраивается

⁷⁴Там же. с. 25.

⁷⁵Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 41.

именно пир, как возможно более подходящая форма праздника для столь придворного и в какой-то мере семейного торжества.

Пиром отмечается и возвращение ко двору Артура сэра Ланселота, после того, как он провел в безумных странствиях два года. «И задали при дворе веселый пир, и было меж ними много радости и веселья. Все лорды и дамы радовались от души, когда узнали, что сэр Ланселот снова возвратился ко двору»⁷⁶. По прибытию ко двору Артура Ланселота и Тристрама так же устраивается праздник: «случилось так, когда король Артур обвенчался с королевой Гвиневерой и заполнил все места за Круглым Столом, и затем вместе со своими чудесными рыцарями победил почти всех своих врагов, а вскоре после того прибыл ко двору сэр Ланселот Озерный, и сэр Тристрам приехал тоже, тогда, король Артур устроил царский пир и Круглый Стол»⁷⁷. И в другой раз для сэра Тристрама и Прекрасной Изольды король Артур устраивает трехдневный турнир у Лонезепа, большой, красивый праздник.

Есть в романе описание присутствия рыцаря короля Артура в гостях на чужом пиру. Сэр Балин в своей погоне за невидимым сэром Гарлоном попадает в замок рыцаря, чей сын тяжело ранен Гарлоном, и от ран может его излечить только кровь его обидчика. Пообещав своему хозяину достать эту кровь, Балин отправляется на празднество, устраиваемое братом сэра Гарлона королем Пеламом Листенойзским. Дорога к замку короля занимает долгие три недели, но прибывают они как раз к празднику. «Они спешили, поставили в стойла лошадей и пошли в замок, но Балинова спутника не впустили, ибо он был без дамы.

Балин был хорошо принят, его провели в комнату, сняли с него доспехи и дали одежду — одеться, как он хотел. Слуги хотели, чтобы Балин оставил свой меч.

— Нет, — сказал Балин, — этого я не сделаю, ибо у меня на родине обычай таков, чтобы рыцарь не расставался со своим оружием. Иначе, — сказал он, — я отправлюсь туда, откуда прибыл.

Тогда ему позволили остаться при мече, и он вошел в залу и очутился на пиру в обществе благородных рыцарей, ведя перед собой свою даму»⁷⁸. Балин

⁷⁶Там же. с. 536.

⁷⁷Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 131.

⁷⁸Там же. с. 64.

ищет Гарлона, замечает его и разглядывает его, задумавшись о том, что если он убьет его на пиру, ему живым не выбраться, а если упустит обидчика, то может никогда с ним уже не встретиться. Гарлон, заметив, что его разглядывают, и, оскорбившись этим, подходит к Балину, и дает ему пощечину. Это становится последней каплей. Балин, у которого Гарлон подкравшись невидимым убил уже двух товарищей, приходит в ярость и убивает его. Берет у девы, что сопровождала его обломок копья, коим Гарлон убил её рыцаря, вонзает в грудь Гарлона и набирает крови для рыцаря с раненым сыном. Помимо совершенно интригующей истории в этом описании наличествуют моменты, характеризующие процесс посещения гостей – это переодевание перед пиром, требование оставить свое оружие, возможность присутствия только со спутницей, наличие угощения. Гарлон обращается к Балину со словами: «Раз ты на пиру, то ешь, делай то, ради чего ты сюда пришел»⁷⁹. Запрет на присутствия оружия на пиру повторится еще один раз, когда на турнире в Лонезепе сэр Ланселот с королем Артуром, желая видеть королеву Изольду и сэра Тристрама, приезжают к их шатрам, будучи вооруженными и в доспехах. «Любезные рыцари,— сказал им сэр Тристрам,— неправильно вы поступаете, что во всеоружии являетесь ко мне, когда мы сидим за едой. Если вам надобно что-нибудь от кого-либо из нас, то там, на турнирном поле, следовало вам облегчить свое сердце»⁸⁰. Подобные уточнения создают образ праздника как развлечения аристократического с одной стороны (это смена наряда и наличие четких правил допуска на мероприятие), военной составляющей (то, что гость вооружен не вызывает удивления) и куртуазной (сопровождение дамы). Вырисовывается образ пиршества, чей повод хоть и неизвестен, но характер во многом отвечает запросам рыцарского праздника.

Помимо гостей есть в романе и такой вид веселого времяпрепровождения, как игры и всяческие развлечения. Сэр Грингамур, брат леди Лионессы, выкрыв у сэра Гарета его карлика и разузнав от того, кто же тот рыцарь, что освободил его сестру, приносит извинение сэру Гарету и приглашает его в свой замок, обещая оказать ему самое радушное

⁷⁹Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 65.

⁸⁰Там же. с. 488.

гостеприимство во искупление своего непочтительного поведения дотоле. «Туда же вышла к ним и леди Лионесса, наряженная принцессой, и она приветствовала его очень радушно, и он ее тоже, и они вели между собой изысканную беседу, речи их были учтивы и обхождение любезно. И много раз думал про себя сэра Гарет: «Иисусе! Вот если бы госпожа Замка Угроз была столь же прекрасна, как она!»

Были в тот вечер устроены игры и всевозможные развлечения, и пение, и танцы, и сэра Гарет все смотрел и любовался этой дамой»⁸¹. Данный эпизод, безусловно, сюжетообразующий, происходит личное знакомство сэра Гарета и леди Лионессы, но он и отражает форму проведения свободного времени, свойственного, по мнению автора, описываемому им периоду.

В очередной раз, примирившись с сэром Тристрамом, король Марк отмечает данное событие мини праздником. «Бароны послали за сэром Тристрамом, сами поручившись за его безопасность, и когда сэра Тристрам возвратился к королю, ему был оказан радужный прием, о прежнем никто не поминал, и были устроены там игры и развлечения»⁸².

Отдельного упоминания удостоивается процесс прибытия ко двору Артура сэра Тристрама и его включение в ряды рыцарей Круглого стола. Этот процесс происходит ни как обычно в Пятидесятницу, и возможно в связи с этим устраивается отдельное торжество. Тристрама приветствует королева и придворные дамы, король берет с него обещание остаться при его дворе, принимает его в избранный круг и устраивает торжество по этому поводу. «И произвел король Артур сэра Тристрама в рыцари Круглого Стола со всей приличествующей торжественностью, и был по этому поводу большой праздник»⁸³.

После Божьего суда над королевой Гвиневерой, когда сэр Ланселот спас её от обвинения сэра Мадора оба противника оказались сильно ранены в процессе поединка. Но «вскоре сэра Мадор исцелился собственным искусством от полученных ран, и сэра Ланселот тоже был исцелен от раны в бедре. И было там при дворе великое веселие и множество развлечений»⁸⁴.

81Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 221.

82Там же. с. 289.

83Там же. с. 377.

84Там же. с. 655.

Эти будничные и не имеющие под собой какой-то значительной основы праздники являются достаточно убедительным аргументом в пользу идеи о том, что двор короля Артура представлял собой некую общность со своими традициями и неким семейным, интимным характером празднеств. Их достаточно большое количество говорит о том, что при всей официальности большинства праздников, присутствующих в романе, личностный, истинно человеческий аспект также нашел свое отражение в этом произведении, в том числе в таких камерных небольших развлечениях. Помимо грандиозных и роскошных по своему содержанию пиров и турниров при дворе вполне имеют место быть такие объединяющие небольшие праздники по незначительным поводам. Составными компонентами развлечения подобного рода являются пение, танцы, игры и приятная компания дам. Такие небольшие эпизоды дают картину праздника как объединяющего героев события, места примирения и отмечание в компании какого-то торжества, встречи, служат более тесному общению.

Суд.

Судебные поединки в романе представлены двумя видами – это сражения, происходившие в рамках турнира, это поединки на турнире в Сурлузе, между сэром Паломидом и сэром Ганерисом, Паломидом и братом Ганериса сэром Аркадом; и поединки, связанные с королевой Гвиневерой, которые являются самостоятельным действием. В первом случае к Высокородному Принцу, хозяину турнира, обращается с жалобой девица, которая обвиняет сэра Ганериса в том, что он захватил все её земли. Ганерис в ответ на её обвинение бросает перчатку ей, и любому, кто возьмется за неё выступать в поединке. Присутствующий на турнире сэр Паломид соглашается принять этот вызов, и, получив согласие Принца на поединок, начинает бой. «Вот рыцари изготавились к бою и выехали верхами на турнирное поле. У обоих в руках было по тяжелому копьё, и они сшиблись с такой силой, что копьё их раскололись. Тут выдернули они свои мечи, и одним ударом поверг сэр Паломид сэра Ганериса на землю. А тогда сорвал он с него шлем и отсек ему голову долой. И после того отправились они все ужинать»⁸⁵. Второй поединок

⁸⁵Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 427-428.

происходит на следующий день, на этот раз после дня, проведенного на турнирном поле, как только рыцари расходятся переодеться и приготовиться к пиру, к сэру Паломиду является сэр Аркад, брат сэра Ганериса, называет Паломида предателем и обвиняет в убийстве своего брата. И вновь испросив дозволения Высокородного Принца, и по его наказу сначала отобедав, рыцари выезжают на поединок, который так же краток, как и предыдущий: «Вот, лишь только пообедали они, оба облачились в доспехи и сели на коней. А королева, Высокородный Принц и сэр Ланселот расположились наблюдать за ними. Вот пустили они коней во весь опор, сшиблись сэр Паломид с сэром Аркадом, и перекинул сэр Паломид сэра Аркада на конце копья через круп его коня. После того спешился сэр Паломид и обнажил меч, но сэр Аркад не смог подняться на ноги. И тогда сэр Паломид сдернул с него шлем и отсек ему голову. И после этого Высокородный Принц и королева Гвиневера отправились ужинать»⁸⁶.

В первом поединке сэр Паломид выступает как защитник обиженных и слабых, заступаясь за насильно лишенную своих земель даму. Второй же раз он уже защищает свою честь, будучи обвиненным в предательстве. Оба поединка заканчиваются смертью, и нет даже никакого упоминания о пощаде. Пощада здесь не поддержана экономической составляющей, и потому, возможно, такой вариант развития событий максимально реалистичен и имел место быть в историческом контексте. Обязательными судьями выступает Галахальт, Гвиневера и Ланселот, дабы не допустить никаких нарушений при сражении.

Второй вид суда представлен двумя обвинениями, против королевы Гвиневеры. В первый раз она обвиняется в том, что на устроенном ею пиру был отравлен сэр Патрис. Обвинив королеву в умышленном убийстве своего родственника, сэра Патриса, сэр Мадор требует от короля назначить время и место для суда. Артур объявляет, что суд совершится через четырнадцать дней на лугу близ Винчестера. Сэр Ланселот, отправленный королевой в изгнание после очередной ссоры узнает о случившемся несчастье от своего брата сэра Борса. Он вызывается защитить королеву на суде, но обещает появиться только непосредственно перед поединком, потому на поле изначально выходит сэр Борс, также обещавший помочь королеве. «Так подошло утро, и вот король и

⁸⁶Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 429-430.

королева и все рыцари, находившиеся в то время при дворе, собрались на лугу близ Винчестера, где назначен был поединок. Когда явились туда король с королевой и многие рыцари Круглого Стола, тогда отдана была королева под стражу, и вокруг железного столба были разложены поленья для большого костра, дабы, если верх возьмет сэр Мадор, ее тут же предали бы сожжению. Ибо таковы были нравы в те времена: ни милость, ни любовь, ни родство не имели силы, но лишь справедливый суд, равно, как для простого рыцаря, так и для короля, и равно для бедной дамы и для королевы»⁸⁷. Мадор под присягой повторяет свое обвинение в том, что королева совершила предательство. Начинает поединок и выезжает на поле сэр Борс, но появившийся с неизвестным щитом Ланселот заменяет его и вступает в сражение. Сэр Мадор ранит Ланселота в бедро, но тот, ни смотря на рану, побеждает его. Противник молит Ланселота о пощаде, и тот соглашается сохранить ему жизнь, но требует отречься от обвинений. «— Я не пощажу твоей жизни,— отвечал рыцарь,— покуда ты не откажешься навсегда от всех поклепов на королеву и не поклянешься, что на могиле сэра Патриса не будет даже упомянуто, что будто бы его убили с согласия королевы Гвиневеры.

— Даю в этом клятву,— отвечал сэр Мадор,— и раз и навсегда беру назад все мои обвинения»⁸⁸. Артур благодарит неизвестного рыцаря и просит отдохнуть с ними и принять кубок вина. Тогда снимает Ланселот шлем, и все узнают его. «Сэр, грамерси за ваши ратные труды, что приняли вы нынче за меня и за мою королеву.

— Мой государь,— отвечал сэр Ланселот,— знайте, что мой неизменный долг — всегда выступать на вашей стороне и на стороне госпожи моей королевы и биться за вас обоих, ибо вы, господин мой, посвятили меня в высокий Орден Рыцарства, и в тот же день госпожа моя, ваша королева, оказала мне великую милость. Так что, не храни я вам верности, позор был бы мне, ибо в тот самый день, когда я принял от вас посвящение в рыцари, я впопыхах обронил меч, и госпожа моя, ваша королева, нашла его, спрятала в шлейфе своего платья и передала его мне, когда он мне как раз понадобился. Если бы не

⁸⁷Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 652-653.

⁸⁸Там же. с. 654.

она, я был бы опозорен перед всеми рыцарями. И потому, господин мой Артур, в тот день я поклялся ей всегда, и в правде, и в неправде, быть ее верным рыцарем»⁸⁹. Первый суд с участием сэра Мадора интересен тем, что он имеет клятвенную составляющую – сначала Мадор клянется под присягой, обвиняя королеву, потом он, прося пощады, клянется взять свое обвинение обратно. Очень универсальный характер клятвы, позволяющий дать ей обратный ход, характерная черта романа, поскольку не однократно, в угоду семейным узам, собственным интересам происходит отступление от ранее произнесенного клятвенного заверения.

Второй раз, будучи похищенной сэром Мелегантом, королева проводит ночь у него в замке, и обвиняется в измене королю, поскольку утром простыни её кровати были в крови, и сэр Мелегант утверждает, что она возлежала с одним из рыцарей, сопровождавших её в майском поезде, и раненных при захвате королевы в плен. Второе обвинение и суд построен несколько по иному сценарию. Королева на этот раз действительно виновна в измене. Но, не смотря на это, все десять рыцарей, сопровождавших её в майском поезде, сражавшихся за нее с людьми сэра Мелеганта, раненные в этом сражении и спавшие вокруг её ложа в ту самую ночь, выступают на этот раз в её защиту, тогда как на пиру все отступились от неё, и никто не решался защитить её против сэра Мадора. Обвиняя Гвиневеру в измене, сэр Мелегант бросает перчатку любому, кто посмеет отрицать, что королева изменница королю Артуру. Ланселот принимает этот вызов, и они решают произвести поединок через неделю на лугу перед Вестминстером. Мелегант хитростью заманивает Ланселота в ловушку, где тот и пробыл до самого дня турнира, покуда над ним не сжалилась и не выпустила его на свободу дама, приносившая ему еду и питье. Ланселот не успевает к назначенному времени. «Опечалился и устыдился король и с ним весь двор, что из-за отсутствия сэра Ланселота королева должна будет сгореть на костре»⁹⁰. Видя, что Ланселота нет, вызывается защитить честь королевы сэр Лавейн, выезжает на поле, но появляется сэр Ланселот и рассказывает о вероломстве Мелеганта. «И когда король, и королева, и все бароны узнали о предательстве

⁸⁹Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 654-655.

⁹⁰Там же. с. 697.

сэра Мелеганта, они все за него устыдились. И послали за королевой Гвиневерой и усадили ее подле короля, ибо никто уже не сомневался в победе ее рыцаря»⁹¹. И опять Ланселот одерживает победу, но милосердию не суждено случиться на этот раз, по желанию королевы Ланселот не соглашается на сдачу. Он предлагает продолжить бой, при условии, что он оголяет левую половину тела и голову, привязывает за спиной левую руку, сэр Мелегант же остается свободен и полностью в доспехе. Мелегант пытается напасть на Ланселота, но его удар отбит и Ланселот рассекает ему голову надвое. Говорить о справедливости данного суда сложно, это, скорее всего изображение традиции, обычая, не совсем одобряемого автором. Дважды защищает Ланселот королеву от обвинения, второй раз заведомо виновную, и это решение Ланселота характеризует его как рыцаря потерявшего разум от любви. Вставка с пояснением, почему именно Ланселот настолько привязан и предан королеве, возможно, и является попыткой Мэлори оправдать не совсем каноническое поведение его героя. Или же беззаветная преданность сэра Ланселота и его намерение защищать своего господина и госпожу «в правде и неправде» есть образцовое и единственно возможное поведение для настоящего рыцаря, по мысли автора.

Судебные поединки представлены в романе как хорошо налаженный и знакомый механизм действия, но в ситуации с королевой четкая структура разрушается, натолкнувшись на противоречия человеческого разума и чувств. Здесь суд хоть и обставляется антуражем "равного для всех" действия, но определяющим его значением становятся человеческие страсти и порывы. Суд помимо неизбежного практически смертельного исхода для стороны, помощь которой не оказал Бог, имеет, если ориентироваться на эти описания определенную структуру. В большинстве случаев, оговаривается момент, что для проведения поединка необходимо или прямое разрешение хозяина или короля, либо же сам король заранее и во всеуслышание объявляет о дате и месте сражения. Дважды упоминается вызов в виде бросания перчатки, один раз используется в описании произнесение обвинения под присягой.

⁹¹Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 698.

Присутствующие зрители на этих мероприятиях исключительно благородного происхождения – это короли и королевы, рыцари и бароны. Это некое публичное массовое мероприятие для избранного круга. Описание очень сходно с образом корпоративного суда, распространяющего свое юрисдикцию только на членов сообщества, характерной чертой которого является жесткая субординация и структура подчинения. Соединение суда и турнирного празднества делает и это событие частью определенного театрализованного действия, и придает ему характер развлечения.

Похороны.

Достаточно спорный с точки зрения «праздничности» аспект жизни двора Артура. Но в данных описаниях присутствует большая доля ритуальности, участвует много ключевых фигур, данный повод для сбора знати и двора носит сильный политический окрас и придает фигуре Артура достаточно важные характеристики в плане становления его как сильного и мудрого правителя.

Больших описаний похорон в романе два. Первые похороны происходят после победы над двенадцатью королями, ознаменовавшей установление непреложности права короля Артура на престол. Стоит отметить, что победив, король не устраивает каких-либо праздничных действий, описываются только похороны. «А всего с королем Неро в той битве пало двенадцать королев с Лотовой стороны, и были они похоронены в церкви святого Стефана в Камелоте. Останки же рыцарей и простых воинов заключили в большую пещеру.

А в день похорон прибыла туда Моргауза, жена короля Лота, с четырьмя своими сыновьями: Гавейном, Агравейном, Гахерисом и Гаретом. Еще прибыли король Уриенс, отец сэра Ивейна, с Феей Морганой, женой своей, что приходилась сестрой королю Артуру. Все они приехали, дабы присутствовать при погребении. Но из всех двенадцати королев король Артур повелел сделать самое богатое надгробье для короля Лота и установил его сам. А еще король Артур повелел отлить и поставить двенадцать фигур из бронзы и меди, покрытых золотом, в виде тех двенадцати королев, и каждая держала в руке восковую свечу, и горели эти свечи день и ночь. А над ними воздвигли фигуру

короля Артура с обнаженным мечом в руке, и всем тем двенадцати фигурам был придан вид побежденных. Все это сделал Мерлин тонким своим искусством»⁹². Здесь очень образно происходит процесс закрепление идеи о единовластии Артура над различными землями своего королевства. В этой войне Артуру очень помог Мерлин, но это его последнее крупное деяние в поддержку Артура, его цель достигнута. И сами похороны символично происходят в узком кругу родственников короля Артура, являя собой прототип клановой структуры наместничества и управления землями.

И вторая великая битва Артура, уже за римский престол так же оканчивается победой, по случаю которой не проводится празднования, но описываются похороны побежденных. Императора, султана Сирии, царя Ефиопии и других славных мужей Артур велит забальзамировать, тела их завернуть в тонкое полотно в шестьдесят слоев, заключить в свинец и в коробки, богато изукрашенные со знаменами и щитами поверх, чтобы все могли видеть кто они такие. И отправляет этот кортеж в Рим, наставляя сопровождающих его сенаторов: «— Передайте же подесте и всем лордам, что вот я шлю им дань, которая причитается от меня Риму, ибо этим лишь только и задолжал я с моими предками Риму за последние двести лет»⁹³.

И в первом и во втором отрывке, воздавая почести побежденному и мертвому противнику, король Артур действует по некой схеме, которая дает возможность предположить наличие определенных канонов в рыцарском мировоззрении по обращению с поверженными врагами. Действия его характеризуют как доблестного, щедрого, благородного и справедливого правителя. В описанных эпизодах король не скупится на расходы, обставляя похороны пышно, и демонстрируя необходимость достойного погребения столь знатных и славных противников. Это не только факт окончательного закрепления своей власти в регионе с оружием в руках, но и некий образ справедливости его победы, как достойнейшего и мудрейшего.

Тема похорон в романе возникает неоднократно, так как многие герои, увы, погибают в сражениях, на турнирах, в результате вероломных

⁹²Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 60-61.

⁹³Там же. с. 152.

предательства. И определенным рефреном во всех описаниях идет идея о необходимости богатого и достойного рыцаря захоронения. Смерть короля Утера Пендрагора ввергает страну в состояние хаоса и неразберихи, похороны же его описаны очень лаконично: «Похоронили его, как подобало королю, а королева, прекрасная Игрейна, сильно убивалась, и с нею все бароны»⁹⁴. Владычица озера, убитая сэром Балином, при дворе Артура будет богато похоронена королем. Коварно убитый невидимым сэром Гарлоном сэр Харлеус похоронен таким образом: «А король Артур повелел богато похоронить рыцаря и на могиле у него написать о том, что здесь был убит рыцарь Харлеус и кем предательство было свершено»⁹⁵. Сражавшиеся между собой братья Балин и Балан по нелепому стечению обстоятельств смертельно ранившие друг друга просят о том, чтобы их похоронили вместе. «И Балан испросил у этой дамы милости, чтобы за верную его службу она повелела похоронить их обоих на том самом месте, где они сражались, и она со слезами пообещала ему, что так и будет все сделано, и похоронят их богато и достойно»⁹⁶. В римском походе, после битвы, воины Артура осматривают поле боя. «И тогда отступил король со своими благородными рыцарями, и послал обшарить все поле в поисках своих славных баронов. Тех, кто был мертв, похоронили, как подобало им по рождению»⁹⁷. Трагически погибшую мать сэра Тристрама хоронит супруг, король Мелиодас, вызволенный из плена Мерлином. «Он так убивался и оплакивал свою королеву, что язык не в силах того передать. Он похоронил ее богато»⁹⁸. Убитого сэром Падомидом рыцаря-сарацина Корсабрина хоронят в лесу, потому как был он язычником. Еще один рыцарь Круглого стола, пустившийся на поиски Святого Грааля сэр Ивейн Отчаянный, сын короля Уриенса погибает в поединке с сэром Гавейном, не узнавшим его. «Похоронили его сэр Гавейн с сэром Эктором, как надлежало им похоронить королевского сына, и на камне могильном написали, как его имя и как он был убит»⁹⁹.

94Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 17.

95Там же. с. 62.

96Там же. с. 70.

97Там же. с. 152.

98Там же. с. 249.

99Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 594.

Подобных описаний и упоминаний в романе много, и все они свидетельствуют о важном месте, занимаемом в рыцарской культуре ритуала достойного и правильного завершения жизненного пути, исполнения обряда и увековечивания в должном виде памяти об этих людях.

§2. Рыцарский досуг.

Охота.

Данный вид развлечения, являлся, если судить по описанию, данному в романе достаточно финансово и трудозатратным мероприятием – свита охотников, слуг, доезжачих, необходимость иметь большое количество подготовленных, натасканный псов, оружия - луки со стрелами, охотничьи ножи, охотничьи рога и целая ватага рыцарей, с которыми принято на охоту ездить. Охота не представлена в романе как жизненная необходимость добывания пищи, это развлечение, возможность развеяться от плохого сна. Объектом для охоты в романе всегда является олень, за исключением рассказа об охотнице, чьей добычей должна была стать лань. Причем олень может быть загнан и убит, но возможен и вариант, когда конь под охотником падает, не выдержав напряжения, и главный герой остается без трофея. Охота это времяпрепровождение знати, участие в ней принимают исключительно короли и рыцари (короли Артур, Марк, Уриенс, Пелинор, Мелиодас, отец Тристрама, благородный рыцарь - отец Лакота, сам сэръ Тристрам), один раз встречается дама-охотница, но она также высокого рода. Охота представлена как физически затратное занятие, недаром активной погони не выдерживают даже кони и падают замертво. Еще одной отличительной чертой, встречающейся при описании у Мэлори различных охот, является массовость данного действия. И даже, если, в конечном счете, король или главный герой заезжает в дремучий лес и остается в одиночестве, начинает он охоте обычно в большом сопровождении свиты и охотников – рыцарей.

Основная тема охоты – это завязка сюжета. В первом описании охоты, встречающемся в романе, завязывается сюжет, основанный на теме Зверя Рыкающего как возможного воплощение греха, совершенного Артуром (зачатие Мордреда). В этом эпизоде так же появляется тема предсказания Мерлина о том, что зачатый во грехе ребенок станет погибелью для Артура и для его рыцарского братства. В описании же причины, по которой Артур вообще отправляется на охоту, здесь фигурирует некий сон, который можно воспринять как предсказание будущей войны, предстоящей королю.

«Пробудился король, и тяжело было у него на душе после того сна; и потому, чтобы прогнать о нем все мысли, собрался он со многими рыцарями ехать на охоту. Только выехали они в лес, завидел король впереди матерого оленя.

— Погонюсь за этим оленем, — сказал король Артур. Пришпорил он коня и долго скакал за оленем, и часто на полном скаку казалось — вот-вот поразит он его. И так долго гонялся он за тем оленем, что конь его задохнулся и пал наземь, и тогда отправился доезжачий назад привести ему другого коня»¹⁰⁰.

Второй пример также находится в соприкосновении с мистическими элементами, на этот раз это козни Феи Морганы. При помощи её магии на охоте происходит завязка сюжета – король Артур, король Уриенс и Аккалон Гальский отправившись на охоту, оказываются в магическом заточении. «Случилось так, что Артур и многие его рыцари поехали на охоту в большой лес. И так вышло, что король Артур и король Уриенс и сэр Аккалон Гальский втроем погнались за большим оленем — они все трое были на добрых конях и так быстро скакали за ним, что в недолгом времени оказались более чем в десяти милях от своих спутников. А они так разгорячились погоней, что загнали своих коней, и пали их кони мертвыми. Остались они все трое пеши, а впереди виден им был тот олень, обессиленный и весь в пене.

— Как нам поступить? — сказал король Артур. — Плохо наше дело.

— Давайте пойдем пешком, — предложил король Уриенс, — будем идти, пока не встретится нам какое-нибудь жилище.

Вскоре увидели они, что олень лежит на берегу большой реки и гончая сука терзает ему горло и другие собаки сбегаются к тому месту. Затрубил король Артур в рог и заколол оленя»¹⁰¹.

Практически всегда на охоте происходит то или иное событие, являющееся отправной точкой дальнейшего повествования. В третьем примере это сражение Лакота Мальтелье со львом, что является синонимом определенного обряда инициации, пройдя который он получает посвящение в рыцари и начинает свои странствия и приключения. Здесь охота происходит и внутри и вне замка. Внешняя, король Артур с дружиной отъезжает в погоню за

¹⁰⁰Мэлори Т. «Смерть Артура». М., 1974. с. 38.

¹⁰¹Там же. с. 97.

оленем, а вот другая внутренняя охота – как раз дает нам новый сюжет и завязку истории. И присутствующая здесь дама является неким катализатором всего события, ведь именно защищая её, Лакот совершает свой первый рыцарский подвиг. «А наутро подняли в лесу охотники матерого оленя, и король Артур с дружиной своих рыцарей поскакал туда, чтобы убить оленя. Юноша же, которому сэра Кэй дал прозвище Худая Одежка, остался с королевой Гвиневерой.

А там, в каменной башне, содержался ужасный лев, и неожиданно-негаданно случилось, что он вырвался на волю и ворвался к королеве и ее рыцарям»¹⁰². Лакот убивает зверя, и вернувшийся с охоты Артур видя подобную храбрость и доблесть, тут же посвящает его в рыцари.

С охотой же связана печальная повесть Лакота об его отце, и, как и в предыдущем отрывке, именно на охоте происходит событие во многом определяющее будущее героя. «Есть у меня, сэра, на то причина,— отвечал тот. — Был у меня отец, благородный рыцарь, и однажды поехал он в лес на охоту. Там случилось ему лечь и уснуть, а тем временем проезжал мимо рыцарь, издавна бывший ему врагом. Он увидел, что отец мой крепко спит, зарубил его насмерть, а на нем тогда был вот этот самый плащ. Потому-то он и сидит на мне так криво, ибо как я нашел его порезанным, так и не чинил и не буду чинить. И потому-то, в память о гибели моего отца, я ношу его, пока не отомщу»¹⁰³.

Тема охоты особенно тесно связана с Тристрамом, поскольку он является по убеждению Мэлори родоначальником многого, что связано с охотой: «Позднее, когда возросла и созрела его сила, он перешел к трудам псовой ловитвы и соколиной охоты — и отличался в этом более, нежели какой-либо еще благородный дворянин, о котором случалось бы нам слышать из книг. Как повествуется в Книге, это он первый установил добрые правила — как трубить по разной дичи, поднятой гончими забитой охотниками, по крупному зверю и по малым грызунам; и все эти установления сохранились у нас и теперь. Поэтому и книга об охоте псовой и соколиной, об искусстве звериной ловитвы носит название: «Книга сэра Тристрама»¹⁰⁴. Даже самое его имя и

¹⁰²Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 305.

¹⁰³Там же. с. 305.

¹⁰⁴Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 250-251.

история рождения привязана к охоте. Его отец, король Мелиодас, будучи страстным любителем гоняться за красным зверем, попадает на охоте в плен к влюбленной в него волшебнице, которая чарами удерживает его у себя в замке. Желая освободить супруга королева Елизавета, не смотря на свою беременность отправляется в лес, на его поиски. Начинаются роды, в результате которых королева сильно простужается и погибает¹⁰⁵.

Когда же Тристрам впадает в печаль и уныние из-за того, что заподозрил даму свою Прекрасную Изольду в любви к другому рыцарю и отправляется в изгнание и бродит по лесам, именно на охоте встречается его король Марк и привозит обратно в Тинтагиль. И с этого момента начинается новая линия приключений Тристрама связанная с изгнанием его из Корнуэлла на 10 лет¹⁰⁶. После того, как с помощью Изольды Тристрам сбегает из очередного плена короля Марка он переправляется в Англию, где ему помогает Ланселот и поселяет их в своем замке Веселой Стражи. Там они спокойно и весело проводят время, и Тристрам много ездит на охоту. И вот однажды к нему является Зверь Рыкающий, является он Тристраму в одиночестве, так же как явился он Артуру, и возможно и здесь он символизирует совершенный грех - Тристрам забрал Изольду у своего господина, и как в теме с Мордредом, оказавшимся губителем Артура, так и здесь жизнь Тристрама оборвется именно из-за его любви к Изольде и как мечь короля Марка за то, что он увез его супругу. «И вот однажды, перед самым месяцем маем, сэр Тристрам гнал оленя, увлекшись погоней, и выехал на берег чистого ручья.

Спешился тут сэр Тристрам и снял шлем с головы, чтобы напиться ключевой журчащей воды, и вдруг он слышит и видит Зверя Рыкающего, выходящего к ручью. Как завидел сэр Тристрам зверя, тут же надел он шлем, ибо знал, что сейчас услышит приближение сэра Паломида, ведь его рыцарский подвиг был преследовать этого зверя»¹⁰⁷.

С Ланселотом тема охоты пересекается лишь однажды, но скорее в косвенной, а не прямой форме и несет она нагрузку в качестве рассказа, подчеркивающего доблесть и силу героя, как элемент, этап рыцарского

¹⁰⁵Там же. с. 248.

¹⁰⁶Там же. с. 331.

¹⁰⁷Мэлори Т. «Смерть Артура». М., 1974. с. 444.

приключения. Символично, что это единственное описание охоты, в котором присутствует дама как главный герой, и, несомненно, подобное приключение могло произойти только с Ланселотом, поскольку тема любви и верности прекрасной даме, наиболее раскрыта именно в его образе. Готовясь к очередному турниру, Ланселот отдыхал у отшельника и взял себе в привычку проводить время на берегу ручья. И вот однажды, жившая в том лесу дама-охотница, каждый день выезжавшая со своей исключительно женской свитой на охоту погнала лань, которая и выскочила к ручью, у которого дремал сэр Ланселот. Лучница, преследуя добычу, стреляет в спрятавшегося у ручья зверя, но попадает в рыцаря. «Почуя боль, вскочил сэр Ланселот в бешеной ярости, но увидел, что рану ему нанесла женщина. И видя, что обидчик его — дама, сказал ей сэр Ланселот так:

— О дама, или девица, кто бы вы ни были, в недобрый час взяли вы в руки этот лук. Дьявол научил вас стрелять!»¹⁰⁸. Не смотря на всю боль и неприятность полученной им раны, он будет участвовать в турнире и завоюет там славу.

И последний раз охота появляется как повод и завязка сюжета ближе к концу романа, когда Артур уезжает на охоту, чтобы обмануть настороженность Ланселота и уличить его в измене. «И вот наутро король Артур уехал охотиться и прислал известить королеву, что пробудет в отъезде всю ночь. И тогда сэр Агравейн и сэр Мордред призвали еще двенадцать рыцарей и тайно спрятались в одном из покоев Карлайлского замка»¹⁰⁹.

Остается сделать вывод, что сцены с описанием охоты приведены в романе как иллюстрация достойного досуга для благородного рыцаря, занятие, требующее достаточной силы и подготовки, являющееся прерогативой избранных, неким внутрикорпоративным видом отдыха. Кроме того, нередко эти сцены выполняют и функцию сюжетооборазования, как важная часть литературного произведения.

Турнир.

Турниры в романе более, чем все иные праздничные описания, выполняют функцию сюжетного инструмента в руках автора. В большом

¹⁰⁸Там же. с. 678.

¹⁰⁹Там же. с. 711.

количестве случаев турниры являются составной частью того ли иного рыцарского приключения главного героя, на них происходит завязка сюжета, турниры также вплетены за редким исключением в канву путешествия героя, и являются, таким образом, инструментом для его характеристики, для описания его доблести, смелости, силы духа и всевозможных иных достоинств. Говоря о рыцарских турнирах, как исторической реалии необходимо напомнить, что они являлись одним из самых ярких примеров воплощения рыцарской культуры, всех характерных для нее составляющих.

Описание турниров изобилует назидательными моментами, несущими поучительный характер, наставлениями как пристало вести себя настоящему рыцарю. Это и защита слабых, поклонение даме, защита своего короля, а также всяческая деятельность, связанная непосредственно с поведением на поле турнирного сражения. Тема куртуазной любви так же отражена в достаточной степени – это и присутствующие на турнирах дамы, и сражения воодушевленных их взглядами рыцарей, интриги с рукавами, прикрепленными к шлемам. Кроме любовной линии присутствует в описании и экономическая компонента, столь значительную роль игравшая в реальных турнирах XV века. Это призы и награды победителю турнира, которые встречаются в романе в виде драгоценностей, оружия, ловчих птиц, в виде руки знатной и прекрасной дамы вкупе с земельными угодьями в качестве приданного, а так же имеются в виду доспехи, кони и выкуп из плена, как неотъемлемая и актуальная часть турнирного действия. Говорить о том, что экономическая составляющая при проведении турнира наиглавнейшая слишком категорично. В той модели мира, которую создает в романе Мэлори все же главная ценность турнира в завоевании славы, демонстрации своих достоинств. Описанию процесса добывания славы, всевозможных доблестных деяний, великодушных поступков и достойного рыцаря поведения, того, как главный герой ведет себя в сражении, как проявляет себя с соперниками, как относится к своим товарищам, всему этому посвящено гораздо больше внимания, нежели процессу получения приза по окончанию сражения.

В романе шесть достаточно крупных, подробно описанных турнира, занявших не один десяток страниц, в которых тщательно изображен ход, правила, порядок действий, и скрупулезно прописаны не только главные герои, но и многие рыцари, принявшие в них участие. Это турнир, устроенный леди Лионессой¹¹⁰, турнир у Девичьего замка¹¹¹, турнир сэра Галахальта в Сурлузе¹¹², турнир у Лонезепа¹¹³, турнир в Винчестере¹¹⁴ и турнир на Сретенье¹¹⁵. На их рассмотрении и анализе и хотелось бы остановить внимание.

Ко времени написания романа, середине XV века, турнир уже был сложившейся структурой с определенными правилами, последовательностью и фиксированными компонентами. Эту структуру и регламент очень хорошо можно проследить в описаниях, данных в романе. Первым идет турнир леди Лионессы. Турнир устраивается по совету сэра Гарета, который желая удовлетворить любопытство короля Артура и своей матери предлагает леди Лионессе устроить турнир. Приз – рука и земли леди Лионессы, в том случае, если же победитель будет рыцарем женатым, то достанется ему в награду золотая диадема с драгоценными камнями в тысячу фунтов ценою и белый ловчий кречет. Получив согласие короля Артура на проведение турнира, леди Лионесса начинает приготовления. «А теперь мы оставим всех этих рыцарей и королей и поведем лучше речь о великих приготовлениях, что велись в замке и вокруг замка; ибо леди Лионесса распорядилась, чтобы все было в изобилии приготовлено для ее благородных рыцарей — и ночлег богатый, и всякий провиант, какой только возможно доставить по суше и по морю, чтобы ни в чем не испытывали недостатка рыцари ее стороны и противной тоже, но могли бы и король Артур со своими рыцарями за серебро и золото купить всего в избытке»¹¹⁶. Это момент описания подготовки турнира свидетельствует о том, что данное мероприятие было крайне сложно и затратно, доступно только для богатых дворян. Призвав под свои знамена сэра Персианта Индийского с

¹¹⁰ Мэлори Т. «Смерть Артура». М., 1974. с. 228-236.

¹¹¹ Там же. с. 337-353.

¹¹² Там же. с. 426-438.

¹¹³ Там же. с. 470-492.

¹¹⁴ Там же с. 656-665.

¹¹⁵ Там же. с. 677-683.

¹¹⁶ Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 231.

братьями и сопровождавшими их рыцарскими дружинами, сэра Иронсида-Железного Бока с дружиной и кликнув повсеместно клич о предстоящем турнире, собирают они в свой лагерь рыцарей, невзлюбивших Круглый стол и двор короля Артура¹¹⁷. Король же Артур приводит на турнир войско, состоящее из его родственников, всего клана сэра Ланселота с ним самим во главе, почти всех рыцарей Круглого Стола, королей Ирландии, Шотландии и других благородных принцев и рыцарей.

Начало турнира приурочено к Успению Богородицы и начинается празднество после заутреней и обедни. Герольды трубят в трубы и начинаются сражения. Первой частью являются одиночные схватки между рыцарями короля Артура и рыцарями представляющими Замок Угроз. Выступая один против одного, или пара на пару рыцари демонстрируют свою силу и доблесть на копьях. Главный герой этого турнира - сэр Гарет, он выступает в этих схватках очень доблестно, сражая бесчисленное количество противников. Оставаясь незнанным благодаря волшебному кольцу леди Лионессы, которое постоянно меняет цвет его доспехов, сэр Гарет отважно и доблестно демонстрирует чудеса выносливости и силы и в общем бою. Гиперболизация его силы и доблести в сражениях не удивительна, подобного рода описания характерная черта рыцарских романов. Имея под собой реальную основу, и описывая знакомые читателю методы сражения, авторы нередко усиливают краски для создания более волнующего эффекта. И в единичных столкновениях и в общем бою сэр Гарет сокрушает множество противников, а так же, как и подобает славному рыцарю, он любит госпожу замка, что чудесным образом повышает его энергию.

Общее сражение начинается сразу после одиночных поединков, происходит на мечах, в нем сэр Гарет не только разит врагов в невероятном количестве, но и демонстрирует свое уважение перед сэром Ланселотом, не вступая с ним в битву, не смотря на то, что они находятся в противоборствующих лагерях. И сэр Ланселот проявляет такую же учтивость по отношению к сэру Гарету, давая блестящий пример поучительного компонента в описаниях турниров: «Когда же какой-нибудь рыцарь столь

¹¹⁷Там же. с. 229-230.

доблестно отличится за один день, настоящему рыцарю не пристало отымать у него честь победы, особенно когда тот уже так много потрудился. Ведь, может быть,— сказал сэр Ланселот,— здесь находится его враг и обидчик, а может быть, он влюблен в какую-нибудь даму из тех, что находятся здесь,— но я вижу, что он прилагает все старанья и усилия, чтобы свершать великие подвиги. А потому,— сказал сэр Ланселот,— что до меня, то первенство сегодня достанется ему, даже если бы я мог его отнять у него, я этого не сделаю»¹¹⁸. Лишенный кольца сэр Гарет становится желтым рыцарем, его опознают отправленные на поле герольды короля Артура. Поняв, что его инкогнито раскрыто Гарет скрывается с турнирного поля.

Следующим идет большое описание турнира у Девичьего замка. После того, как сэр Тристрам, главный герой этого события, узнает о том, что турнир объявлен, и до момента его прибытия на сам турнир, судя по количеству произошедших событий, проходит довольно много времени, по пути он сражается с воинами Фей Морганы, участвует в стычке с Брюсом Безжалостным. Непосредственно сражения в данном отрывке начинаются еще за день до самого турнира, в процессе съезда рыцарей к Девичьему замку. Тристрам хоть и пытается избежать поединков, дабы не получить рану перед турниром, и в надежде отдохнуть и набраться сил перед большим сражением не достигает успеха в этом. Появившийся сэр Паломид сражает более десятка рыцарей, происходит схватка и с сэром Тристрамом, но схватка нечестная, Паломид нападает на Тристрама, когда тот еще не готов. Выбив его из седла, Паломид отказывает ему в повторном бое, что чрезвычайно ранит гордость Тристрама. В попытке успокоить его, сэр Динадан произносит очередное поучение: «Вот видите, сэр Тристрам, нет на свете столь доблестного бойца, чтобы никогда не терпел поражения, и нет такого мудреца, чтобы и ему не случилось ошибиться, и всадника искусного, чтобы хоть раз да не свалился с коня»¹¹⁹. Подъезжает и сэр Ланселот с корнуэлльским щитом, одерживает ряд побед над рыцарями Северного Уэльса. Результатом столь насыщенного дня

118Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 233.

119Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 342.

становится то, что Ланселот слишком устает и не участвует в первом дне турнира.

Распределение по лагеря на этот раз выглядит следующим образом: первый лагерь возглавляет король шотландский Карадос, к нему присоединяется король Артур вместе с кланом сэра Ланселота (двадцать три корнуэлльских щита), кланом сэра Гавейна, и королем Ирландии; второй лагерь – король Северного Уэльса, с ним вместе Король-с-Сотней-Рыцарей и многочисленные рыцари Северного Уэльса.

На этот раз турнир занимает три дня, и состоит из общих сражений на мечах и копьях. В первый день сэр Тристрам встает на сторону короля Шотландии Карадоса и Артура, правда выезжает на поле он инкогнито, с черным щитом без каких-либо обозначений на нем, его инкогнито будет раскрыто лишь в конце турнира. В первый день, за отсутствием сэра Ланселота не находится достойных противников для Тристрама, и потому он объявляется победителем, Рыцарь-с-Черным-Щитом. Второй день начинается с решения сэра Паломиды перейти на сторону шотландцев и короля Артура. Тристрам, жаждущий сквитаться за прошлую обиду, переходит в противный лагерь Северного Уэльса. В процессе сражения сэра Тристрама окружают рыцари рода короля Бана, родичи сэра Ланселота, и если бы не помощь сторонника Короля-с-Сотней-Рыцарей, плохо бы пришлось Тристраму. Освободившись с помощью союзников из окружения, Тристрам устраивает настоящее побоище на поле. Услышав о таком славном сопернике, сэр Ланселот воспламеняется желанием вступить с ним в бой, но отступает, ибо не пристало нападать на уставшего. «Если я сейчас,— сказал себе сэр Ланселот,— нападую со свежими силами на этого рыцаря, то будет мне это позором. И с тем вложил сэр Ланселот меч свой в ножны»¹²⁰. Тристрам, благородному поступку сэра Ланселота вторит таким же показательным благородным деянием – увидев, что Король-с-Сотней-Рыцарей и еще сто рыцарей Северного Уэльса нападают на двадцать рыцарей Ланселотова рода, и, восхитившись их доблестью, благородными подвигами и готовностью сражаться до последнего, Тристрам требует от своего союзника Короля-с-Сотней-Рыцарей прекратить подобный постыдный для него бой неравными

120Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 346.

силами, пригрозив в ином случае встать и сражаться на стороне этих рыцарей¹²¹. Победителем второго дня объявляется Северный Уэльс, король Артур трубит перерыв и так заканчивается второй день. Третий день ознаменован тем, что на поле выезжает и сам король Артур. Основой этого дня становится сражение короля Артура, при поддержке сэра Паломиды, с сэром Тристрамом. Не единожды схватывались они не на жизнь, а на смерть, но одолеть сэра Тристрама все же не удается, даже совместными их усилиями. Окончив эту часть битвы, сэр Тристрам вновь разъезжает по полю, нанося удары направо и налево, и на этот раз ему не удается избежать сражения с сэром Ланселотом. Не узнав сэра Тристрама из-за его черного щита, Ланселот в схватке тяжело ранит его, из-за раны Тристрам покидает турнирное поле. Тем временем на раненого Тристрама в лесу нападает сэр Паломид и сэр Гахерис, но он находит в себе силы отбить их атаку. Сэр же Ланселот, оставшись на поле после отъезда сэра Тристрама, сражается отчаянно, словно безумец, и, видя такую отвагу, король Артур присуждает победу третьего дня ему, за то, что он не покинул турнирного поля и был в сражении до конца. Ланселот отказывается от такой чести, говоря, что победителем по праву является сэр Тристрам. Этим поступком сэр Ланселот завоевывает еще больше славы и почета. «И тогда все сословия и звания, от верха донизу, заговорили с почтением о сэре Ланселоте за его благородство, какое он выказал сэру Тристраму, и за это его благородство было тогда сэру Ланселоту больше чести и славы, нежели сокруши он один пять сотен всадников. И весь народ, кто там был, сначала все сословия, сверху донизу, а потом и простой люд, закричали в один голос:

— Победитель — сэр Ланселот, что бы там кто ни говорил!»¹²² Турнир заканчивается всеобщим пиром.

Третий большой турнир, это турнир в Сурлузе, самый длительный и насыщенный сражениями. Этот рассказ является вставкой в повествование о сэре Тристраме. В отличие от предыдущих отрывков этот турнир является некоторым отступлением от сюжета, а не очередным этапом рыцарского приключения героя. Высокородный Принц Галахальт обращается к королю

¹²¹Там же. с. 347.

¹²²Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 352.

Артуру за разрешением на проведение турнира. «Он прибыл ко двору короля Артура и объявил королю о причине своего приезда: он назначил турнир у себя в Сурлузе, а эта страна находилась в пределах Артуровых владений, и потому он испрашивал позволения созвать этот турнир»¹²³. Артур согласие дает, но предупреждает, что сам быть не сможет. Зато королева Гвиневера высказывает пожелание присутствовать, и Артур отпускает её под покровительством Галахальта. По всем славным городам и замкам возглашается о турнире, на котором рыцари сэра Галахальта и королевы Гвиневеры готовы будут сразиться с любым противником. Турнир заранее обозначается как семидневный. В процессе турнира происходят два Божьих суда, и устраиваются пиры практически после каждого дня сражений.

Четвертый большой турнир – это турнир у замка Лонезеп, он происходит в честь приехавших сэра Тристрама и королевы Изольды, устраивает его король Артур. Рыцари разделяются на два лагеря: воины Артура, Корнуэлла, Северного Уэльса, против них короли Ирландии, Шотландии, король страны Гоор, Сурлузы, Листенойза, Нотумберленда и держащие земли от Артура по сю сторону моря. Тристрам, Паломид, Гарет, и Динадан начинают сражаться именно на этой стороне, но на третий день они (за исключение Паломида) перейдут на сторону короля Артура.

Турнир трехдневный, в первый день происходит сражение только молодых, неиспытанных рыцарей. Четко обозначенных общих боев в нем нет, но многие стычки превращаются в поединок трех, четырех и более участников. Поэтому, можно говорить о преимуществе индивидуальных боев с некоторыми элементами массовости. Отрывок богат описанием правил поведения на турнире в частности, и описанием приличествующего рыцарю поведения в общем. Несколько примеров обучения турнирным правилам. Рыцарь, сбитый с коня и не поднятый или не поднявшийся на лошадь – пленник. «Ибо герольдами было возглашено там такое правило, что если рыцаря выбьют из седла и он не сможет снова сесть на коня ни сам, ни с помощью своих товарищей, тогда он на весь день становится пленником повергнувшей его

¹²³Там же. с 426.

стороны»¹²⁴. Убийство лошади противника на турнире особо отрицательное деяние, восприятие данного действия крайне отрицательно. «И многие рыцари разгневались за это на сэра Паломида и были против него, они говорили, что это не по-рыцарски — убивать на турнире под рыцарем коня, это допустимо лишь в настоящем бою, лишь в поединке не на жизнь, а насмерть»¹²⁵. Или нападение двух рыцарей на одного является недостойным действием: «- Стыд вам и позор!— сказал сэр Тристрам сэру Гарету и сэру Динадану,— отчего вы так обошлись с этим славным рыцарем, да еще в то время, когда я вел с ним поединок? А, Иисусе! Вы жестоко опозорили самих себя, а ему не причинили бесчестья, а ведь мы жарко бились и без вашей помощи»¹²⁶. Общие моральные правила демонстрируются, например, в таком виде, Ланселот не хочет сражаться с сэром Паломидом и Тристрамом, но «как бы там ни было, погибну я или останусь жив, я непременно должен отомстить за моего короля Артура, и так я и сделаю, что бы мне ни угрожало»¹²⁷, или важность славы для рыцаря: «мой совет такой: давайте завтра выступим против короля Артура, ведь на его стороне будет сэр Ланселот и еще многие славные рыцари, его родичи, и чем больше славных бойцов будет на их стороне, тем больше чести будет нам.

- Это сказано по-рыцарски,— сказал сэр Тристрам,— и как вы советуете, так тому и быть»¹²⁸. Этот турнир интересен тем, что в отличие от предыдущих, хоть он и является частью рыцарского приключения сэра Тристрама, вместе с тем не имеет одного главного героя. Здесь вся структура повествования строится на сравнении, подчеркивании доблести двух персонажей, одинаково достойных и прекрасных – сэра Тристрама и сэра Ланселота. Не только дух соперничества, но и дух взаимной вежливости, уступок друг другу, милосердия и учтивости, даже победа в турнире разделена между ними поровну. Еще один мотив, проходящий красной нитью через описание этого турнира – это зависть Паломида к Тристраму, и то, что это недостойное рыцаря поведение, потому сэр Паломид и оставляется автором в проигрыше. «В таком случае он не более как

124Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 474.

125Там же. с. 476.

126Там же. с. 485.

127Там же. с. 479-480.

128Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 471.

глупец,— сказал король Артур,— ведь сэра Паломид никогда не был ровней сэру Тристраму, и никогда ему с ним не сравниться доблестью. И если он завидует сэру Тристраму,— сказал король Артур,— а сам выступает с ним на одной стороне, тогда он нарушает рыцарскую верность»¹²⁹. И конечно показателен отрывок, посвященный куртуазной составляющей турнира, Паломид вдохновляется на подвиги, видя счастливую Изольду: «И удвоил сэра Паломид силу своих ударов, и он являл такую доблесть, что все вокруг только диву давались, он же все время бросал взоры на Прекрасную Изольду. И когда он видел, как она радуется, то разил, как лев, и никто не мог против него устоять»¹³⁰.

Следующее большое описание – это турнир в Винчестере. Турнир устаивается на праздник Успения Богородицы. За две недели до этой даты Артур велит кинуть клич повсюду о предстоящем турнире, на котором он и король скоттов будут сражаться с любым, кто решится им противостоять. Собираясь поехать на турнир в Винчестер, Артур зовет с собой Гвиневеру «любоваться столь славным собранием рыцарства»¹³¹. Гвиневера отказывается, ссылаясь на состояние здоровья, но на турнир едет участвовать, правда, инкогнито сэра Ланселот, выступающий на этот раз против Артура.

Далее следует турнир на Сретенье, на сороковой день после Рождества близ Вестминстера. Заранее происходит разделение на два лагеря: короля Артура с рыцарями Круглого стола поддерживают король скоттов, король страны Гоор Уриенс, король Бретани Хоуэлл и герцог Чаленс Клоранский, противниками их становятся король Северного Уэльса, Ангвисанс Ирландский, Король-с-Сотней-Рыцарей и сэра Галахальт Высокородный Принц. В описании присутствует ярко выраженный поучительный компонент, сэру Гарету вменяют вину, что он в процессе сражения перешел на сторону противника, которым являлся сэра Ланселот. «— Государь,— отвечал сэра Гарет,— от него получил я посвящение в рыцари, и когда я увидел, какая ему грозит опасность, я подумал, что честь велит мне выступить ему на подмогу. Ибо я видел, как он свершал

¹²⁹Там же. с. 483.

¹³⁰Там же. с. 475.

¹³¹Там же. с. 656.

один славные подвиги, а против него билось столь много благородных рыцарей, что когда я узнал в нем сэра Ланселота Озерного, мне стыдно было смотреть.

— Воистину,— молвил король Артур,— хорошо вы говорите и поступили вы по чести и себе на славу. Знайте же, что до конца дней моих,— сказал король Артур сэру Гарету,— я буду любить вас и во всем вам доверять. Ибо для настоящего рыцаря это всегда первое дело — придти на помощь другому рыцарю, которому грозит опасность. Ведь честный человек не может смотреть спокойно, как оскорбляют другого честного человека, от того же, кто бесчестен и труслив, не увидишь рыцарской учтивости и вежества, ибо трус не знает милосердия. А хороший человек всегда поступает с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с ним»¹³². И здесь же на пиру герольды объявляют победителем сэра Ланселота, так как он победил большее количество противников нежели все другие. «После того устроено было для королей и герцогов великое пиршество и веселие с играми, состязаниями и со всеми благородными искусстваами. И всякий, кто был учтив, честен и верен другу, был в те дни обласкан и прославлен»¹³³.

На основании этих больших отрывков, с описанием турниров можно составить определенную картину, из каких компонентов состояли турниры, в какой последовательности происходили события. Сражения могли быть и многодневными и короткими, на один день. Если турнир предстоял большой, то весть о нем распространялась загодя, заранее отправлялись вестники во все концы света. Рыцари, лорды и короли приглашались со всей округи. Возможны варианты разделения на фронты – «по желанию», когда рыцари съезжались на турнир, и уже на месте принимали решение, на чьей стороне выступать, или же основные противники обозначаются заранее. Хозяевами турнира является или король, или властительный вельможа (сэр Галахальт), или знатная дама (леди Лионесса). Если турнир устраивает не сам король, то идет обязательное согласование и получение разрешения от короля. Подготовка к турниру трудное и хлопотное дело, поскольку требует большого количества времени и финансов. Кроме того, в турнире у Девичьего замка оговаривается, что и рыцари

¹³²Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 683.

¹³³Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 683.

подготавливаются к турниру – Тристрам отказывается от сражений накануне турнира, поскольку хочет отдохнуть и накопить сил. А вот Ланселот этого правила не соблюдает, в результате не может участвовать в первом дне турнира. Происходит турнир на поле, лугу, по границе которого устанавливаются палатки для участников, которые приезжают несколько заранее. В описании лагеря Артура фигурируют герольды и менестрели, что, видимо, должно подчеркивать привлекательность его двора. В качестве зрителей присутствуют все сословия, дамы, лорды, герольды, они же являются судьями. Критериев для оценки победителя в основном два, первое, это большее количество поверженных врагов и второе, если рыцарь больше всего времени находился на турнирном поле и не покидал его во время состязаний. В процессе турнирного сражения существует возможность отъехать ненадолго на передышку или для смены доспех. Начало турнира и конец сражений обозначают герольды или сам король или хозяин, трубя в трубы. Достаточно часто в данных примерах встречается упоминание, что начало турнира происходит только после заутрени и обедни.

При выборе стороны, на которой рыцарь будет выступать, огромное значение имеет слава присутствующих соперников. И во всем романе не единожды встречается упоминание, что главные герой поддерживает даже не столько «свою» сторону, сколько сторону слабейшего, это характерная черта рыцарского образа жизни и оправдана она не только желанием защитить слабого, но и желанием снискать большей славы, победив сильнейшего соперника.

В первой части турнира, без отличия однодневный он или на неделю идут одиночные поединки. Варианты могут быть различны, один на один, двое надвое, причем здесь довольно часто фигурирует вариант два брата против двух братьев, также же встречаются варианты три на три. Победителем при данном виде столкновения чаще всего становится тот, кто выбил своего противника из седла на землю, реже после этого происходит еще и наземный бой на мечях. После индивидуальных поединков возможно общее сражение, также описан и вариант, когда турнир полностью посвящен именно таким одиночным поединкам, или только состоит из общих боев. Победителем в столкновении

при общем бое становится тот, кто стащит своего противника с коня или же сорвет с него шлем, и здесь уже вполне уместно конное сражение на мечях.

Характерной чертой турнирных сражений, описанных в романе, являются всяческие выяснения личного неприятия и обид. Паломид не однажды схватывается с Тристрамом, Тристрам с Гавейном, Ламорак с Гавейном. Выраженные столкновения происходят и между рыцарями клана Бана (род Ланселота) и соперниками из Северного Уэльса. Но не только антипатии – взаимная симпатия Тристрама и Ланселота, Гарета и Ланселота не раз мешает им столкнуться на поле боя, если только они узнают друг друга.

Все описанные в романе турниры носят поучительный характер, помимо уже перечисленных правил добавим что, тот, кто выступает на турнире против своего клана, как бы доблестен он не был, теряет часть своей славы – этот момент также относится к родовым основам соперничества на турнире, так же как кровная неприязнь и противостояние кланов. Короли, состоящие в одном лагере, не помогают друг другу, но рыцари под одним знаменем стоят друг за друга до последнего. Эти правила вкупе являются организующей и упорядочивающей основой турнира, и, делая турнир менее хаотичным и травмоопасным, отдаляют его от реальных военных сражений и боевых тренировок.

Таким же структурным компонентом как одиночные бои и общие сражения является в романе и пир, устраиваемый после сражений на поле. Он устраивается или в конце турнира, или, если турнир длительный, то в конце каждого дня сражений. Причем эти пиры не просто поглощение пищи, это еще и развлечения – дважды при описании подобного окончания турнирного дня присутствует развлекательный элемент в виде шуток и острот сэра Динадана.

Еще одна часть турнирных состязаний, несколько неожиданная, но видимо продиктованная публичностью и массовостью данных мероприятий – это суд. Дважды на турнире в Сурлузе происходит Божий суд, оба раза вызов принимает сэр Паломид, наблюдают за развязкой сэр Галахальт Высокородный принц, королева Гвиневера и Ланселот. И результатом того суда является смерть проигравшего, путем обезглавливания.

Турнир как праздник мог быть привязан к церковным праздничным дням, мог быть объявлен по случаю приема гостей, но в большом количестве случаев, описанных в романе турнир самодостаточный праздник, не требующий дополнительной основы, и объявлявшийся без дополнительных причин. Из крупных турниров, описанных в романе, по определенному поводу происходит турнир в Лонезепе – его устраивает король Артур по случаю приезда в Британию сэра Тристрама и королей Изольды. Еще один турнир «с поводом» устраивается по случаю приезда королей Бана и Борса. Помимо повода в виде встречи гостей, этот турнир имеет еще привязку ко Дню Всех Святых. К этому же празднику, Дню Всех Святых приурочивается и турнир, на котором сэр Борс Ганский выступает вместо раненного сэра Ланселота и делит победу с сэром Гавейном, одолев равное количество противников¹³⁴. К празднику Успения Богородицы привязан турнир, устраиваемый леди Лионессой. К этому же празднику, Успению Богородицы приурочен и турнир, на котором сэр Ланселот выступает инкогнито со знаком Девы из Астолата¹³⁵. Еще одна церковная дата, послужившая поводом для турнира – это Сретенье Господне, на которое происходит турнир, в котором принимает участие сэр Ланселот, и на этот раз инкогнито, но уже со знаком королевы Гвиневеры¹³⁶.

Теперь же в беглом порядке можно перечислить встречающиеся в романе описания турниров, не привязанные к каким либо дополнительным поводам. При знакомстве с сэром Пелеасом, влюбленным в леди Этарду, упоминается его участие в турнире, на котором он одерживает победу, получает приз и объявляет леди Этарду своей дамой и госпожой¹³⁷. Сэр Мархальт в своем странствии также участвует в турнире и побеждает: одолев сорок рыцарей он получает приз в виде золотого венца¹³⁸. Изгнанный от двора короля Артура сэр Ивейн во время своих странствий также побеждает на турнире тридцать рыцарей и получает в награду кречета и коня под золотым ковром¹³⁹. Это странствие сэра Ивейна в сопровождение Гавейна, повстречавшихся им

134Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с.671-672.

135Там же. с. 663-664.

136Там же. с. 677-683.

137Там же. с. 116-117.

138Там же. с. 123.

139Там же. с. 124.

Пелеаса и Мархальта заканчивается также турниром при дворе короля Артура, награду на котором завоевывает сэр Пелеас, а сэр Мархальт провозглашен вторым¹⁴⁰. По возвращению короля Артура из похода в Рим устраиваются многочисленные турниры и поединки, особенно отличается на которых сэр Ланселот¹⁴¹. Попав в плен, и будучи вызволенным из него дочерью короля Багдемагуса сэр Ланселот принимает участие в турнире, выступая на стороне этого короля, и конечно одерживая победу¹⁴². Сэр Тристрам принимает участие в турнире, устроенном королем Марком на охоте, и сражается с сэром Ламораком против своей воли, по требованию короля¹⁴³. Также сэр Тристрам попав в ловушку Феи Морганы, выступает на турнире у замка Твердой Скалы с её щитом, долженствовавшим посеять недоверие в сердце короля Артура¹⁴⁴. На турнире, устроенном королем Артуром, зарождается неприязнь проигравшего сэра Гавейна к победившему сэру Ламораку¹⁴⁵. Александр-сирота, направляясь в Лондон к сэру Ланселоту, по пути сворачивает не туда и, попадая на турнир, одерживает на нем победу¹⁴⁶. Придя в себя, после того, как разум покинул его в результате изгнания королевой Гвиневерой, сэр Ланселот устраивает турнир на острове Радости, где встречается с пятью сотнями противников¹⁴⁷. Перед отправкой рыцарей в поход за Святым Граалем король Артур устраивает турнир, на котором побеждает сэр Галахад¹⁴⁸. В своем странствии в поисках Грааля сэр Галахад проезжает мимо замка, у стен которого проходит турнир, и, видя, что рыцари замка терпят поражение, он вступает за них, и приносит им победу¹⁴⁹.

Почему же турнир можно назвать праздником? Одной из основных неотъемлемых черт турнира является его театрализованность, зрелищность. Стоит отметить уже упоминавшуюся довольно четкую структуру и последовательность элементов этих выступлений, сходную с существовавшими

140 Там же. с. 126.

141 Там же. с. 165-166.

142 Там же. с. 171-173.

143 Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 290-291.

144 Там же. с. 367.

145 Там же. с. 399-400.

146 Там же. с. 419.

147 Там же. с. 532.

148 Там же. с. 551-552.

149 Там же. с. 611-612.

структурами театральных пьес того периода – моралите и фарса, а также характерное высказывание Тристрама перед турниром у Лонезепа: «Ибо мне отлично известно, что ради меня-то главным образом и устроил господин мой король Артур турнир в здешних местах и что многие знатные люди соберутся на этот турнир, чтобы посмотреть на меня»¹⁵⁰. Именно образ турнира, как представления, некоего аналога шоу появляется в этом описании. Пожалуй, это самые яркие и полные цветом описания в романе, который помимо этого не очень богат на цветовую палитру и не уделяет большого внимания описательной стороне, так свойственной жанру рыцарского романа. Сэр Гарет на турнире леди Лионессы с помощью волшебного кольца меняет цвет своих доспехов. Кроме него в этом турнире обогащают цветовую палитру рыцари под следующими прозваниями: Зеленый рыцарь, Красный рыцарь Красного Поля и Красный рыцарь. На турнир при Лонезепе сэр Тристрам является с королевой Изольдой и в сопровождении рыцарей, все они в зеленом облачении. В процессе турнира он меняет свое снаряжение на черное, и заканчивают турнир все сменив цвет на красный. На турнире в Девичьем замке он же выступает инкогнито с черным щитом, отчего и получает прозвание Рыцаря-с-Черным-Щитом. Рукава, прикрепленные к шлему сэра Ланселота на различных турнирах также ярко - красный и золотой.

Турнир, как в реальной жизни, так и в романе служит неким механизмом для получения эмоциональной разрядки, что было свойственно народным праздникам Средневековья. Свидетельством этому становятся различные уже упомянутые факторы выяснения отношений, имеющие место в описании всех турниров. Помимо того, сам по себе турнир был прекрасным способом спустить определенную долю агрессии, поскольку являлся мирной формой войны и «окультуренным» способом дуэли и поединка. Род сэра Гавейна очень часто вступает на турнирах в соперничество с кланом короля Бана, с семьей сэра Ланселота. Противостояние сэра Паломиды и сэра Тристрама также занимает немалое место в описании турнира при Лонезепе.

В противодействие упомянутому выше аспекту турниры в романе фигурируют не только как место раздора, но и являются мощным

¹⁵⁰Там же. с. 457.

объединяющим фактором. Помимо уже описанной массовости данного развлечения, турнир несет в себе еще одну составляющую, действующую по принципу связующего элемента – это пиры. Не только поглощение еды и питья, но и разного рода развлечения присутствуют на них. Сэр Динадан развлекает всех собравшихся шутками, называя Высокородного Принца волком, за его не любовь к рыбе, и призывая Ланселота больше никогда не встречаться с ним кроме как за обеденным столом. «И так рассмеялись тут королева и Высокородный Принц, что за столом усидеть не могли. И такое веселие продолжалось у них едва что не до самого утра»¹⁵¹. Это подтверждает тезис о корпоративном характере рыцарского сообщества, изображенного в романе.

Также особенно праздничной стороной турнира становится его массовость и объединяющий мотив, выраженный в яркой корпоративности этого действия в рамках рыцарского союза. В описаниях, приведенных в романе, турнир обозначаются как действия исключительно массовое, с больших количеством гостей, зрителей, упоминается о том, что оповещение о том, что будет происходить турнир, производилось заранее и весть эту разносили повсеместно. О турнире, устраиваемом леди Лионессой оповещается так: «И пустили клич по всей Англии, Уэльсу, Шотландии, Ирландии и Корнуэллу, а также на всех Внешних Островах, в Бретани и многих еще странах, чтобы в Богородицын день, в следующее Успение, собрались люди к Замку Угроз, что против острова Авильона, и там все рыцари должны будут избрать, что им больше по душе: на стороне ли рыцарей Замка им выступить или же на стороне короля Артура. И сроку осталось до того турнира ровно два месяца день в день»¹⁵². О турнире у Девичьего замка говорится так: «А на следующий день сэр Тристрам повстречал на дороге глашатаев, и они объявили ему о предстоящем большом турнире у стен Девичьего Замка между королем Шотландии Карадосом и королем Северного Уэльса»¹⁵³. Количество гостей можно оценить по описанию начала турнира в Лонезепе, где упоминаются четыре сотни шатров и палаток¹⁵⁴. О количестве участников говорит описание

151 Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 436-437.

152 Там же. с. 229-230.

153 Там же. с. 141.

154 Там же. с. 454.

турнира, на котором сэр Ланселот вступит со знаком королевы Гвиневеры, у каждого из участвующих королей было приведено на турнир по сотне воинов, а у короля Артура две сотни.¹⁵⁵ Зрителями же турниров и их судьями оказываются дамы, лорды, бароны, менестрели и герольды и народ.

¹⁵⁵Там же. с. 679.

§3. Церковные праздники.

Процесс христианизации Британских островов в целом был достаточно ранним и прошел очень мягко. В значительной степени христианство здесь не уничтожило языческие верования, но обогатило их. Вера в духов продолжала существовать, и была даже принята христианской церковью, которая отождествляла этих духов с демонами. «Именно благодаря не вытесненным христианством, а приспособившимся к нему народным верованиям артуровские легенды оказались в такой степени насыщенными мотивами сверхъестественного, чудесного, фантастического. То есть характерные черты кельтского мироощущения благодаря вызванным христианством трансформациям кое в чем даже усилились»¹⁵⁶. Наличие в романе сочетающихся и одновременно сталкивающихся друг с другом основ – мифологических форм и позднейших христианских верований – проявляется во всех книгах, особенно ярко, безусловно, в рассказе о Граале. Элементов мистических, загадочных и таинственных в романе крайне много. Но в контексте данного исследования рассмотрим такое явление, как «чудесные праздники», праздники каким-либо образом связанные с церковными датами и ритуалами, ведь именно церковный календарь чаще всего носит в романе название «праздника». Самым насыщенным по смысловой нагрузке, событиям и упоминаниям в романе является праздник Пятидесятницы. Период в пятьдесят дней от воскресного дня Воскресения Христова и вплоть до воскресенья Пятидесятницы празднуется как единый праздничный день, как «великий день Господа». Но два праздника выделяются из пятидесяти дней Пасхального периода — Вознесение и собственно день Пятидесятницы. «Одновременно с превращением праздника Вознесения в воспоминание, имеющее историческую основу, проходило изменение и в восприятии праздника Пятидесятницы. Он стал все меньше и меньше пониматься как завершение пятидесятидневного Пасхального периода и превратился в самостоятельный праздник, в VII в. получивший также и свою октаву. Поэтому хотя ниспослание Св. Духа еще долго считалось сопряженным с Вознесением,

¹⁵⁶Михайлов А. Д. Артуровский легенды и их эволюция // Мэлори Т. «Смерть Артура». М., 1974. с. 800.

все же его перестали рассматривать в отнесении к Смерти и Воскресению Господа»¹⁵⁷. Черета этих событий начинается с ключевого и очень значительного эпизода. Артур в заключительный раз вытаскивает меч из камня, его признают королем, посвящают в рыцари и коронуют именно в этот день¹⁵⁸. В этот день заканчиваются приключения короля Пелинора, сэра Гавейна и сэра Тора, начавшиеся на свадьбе короля Артура, и они возвращаются ко двору. И на этом праздновании впервые произносится клятва рыцарей Круглого стола, которую отныне они будут повторять ежегодно во время празднования Пятидесятницы¹⁵⁹. По возвращении ко двору сэра Гавейна и Ивейна, привезших с собой сэра Мархальта, устраиваются в Пятидесятницу турниры¹⁶⁰. Ланселот, путешествуя под видом сэра Кэя, всех побежденных своих соперников обязывает явиться ко двору короля Артура и поклониться королеве Гвиневере в Троицын день. Традицию отправлять ко двору Артура побежденных рыцарей именно к празднику Пятидесятницы продолжает и сэр Борс. Он в своем странствии отправляет противников в Камелот и приказывает объявить себя пленниками, побежденными и захваченными рукой сэра Борса.

Появление в романе сэра Гарета Оркнейского – Бомейна Прекрасные-Руки – также происходит на Пятидесятницу. Гарет спрашивает у Артура три желания – первое, чтобы жить и кормиться при его дворе в течение года, а оставшиеся два желания испросит он ровно через год в праздник Пятидесятницы – чтобы Артур отпустил его сопровождать леди Лионетту, и чтобы сэр Ланселот последовал за ним, дабы по пути произвести его в рыцари. Пока Гарет путешествует, при дворе Артура опять справляется очередная Пятидесятница, на которую прибывают побежденные Гаретом братья Пертолип, Перимон и Персиант Индийский¹⁶¹. На этот же праздник является и мать сэра Гарета, королева Оркнейская. «После того король и они вышли к обеду, и было там царское угощение. Когда же сидели они за столами, явилась вдруг туда королева Оркнейская и с нею дамы и рыцари в большом числе»¹⁶².

157Кунцлер М. Литургия церкви. М., 2002. Ч. 3. с. 270.

158Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 20-21.

159Там же. с. 90.

160Там же. с. 126.

161Там же. с. 225.

162Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 227.

На этот праздник принимают новых членов в сообщество рыцарей Круглого Стола. «А в следующую Пятидесятницу был принят там сэр Пленориус, и тогда же сэр Лакот Мальтелье-Худая Одежка стал называться по праву своим именем сэр Брюнор Черный. И оба они были произведены в рыцари Круглого Стола, и король Артур им пожаловал много земель»¹⁶³. О принятии на Пятидесятницу новых членов в число рыцарей Круглого стола повествует также рассказ о рыцарях королевы. «И когда кому-либо из них случалось всех более отличиться в бранном деле, тогда в ближайший праздник Пятидесятницы, если умирал или погибал в бою кто-нибудь из рыцарей Круглого Стола — а в те времена не проходило года, чтобы хоть одним рыцарем да не стало меньше,— и тогда на освободившееся место избирался достойнейший из Рыцарей Королевы. Так был избран еще задолго до того, как прославился, и сэр Ланселот, и все остальные тоже»¹⁶⁴.

В другом отрывке пир на Пятидесятницу так же используется как завязка сюжета, после появления старца и предсказания о зачатии и рождении Галахада Ланселот отправляется на поиски приключений, где и встретиться с леди Элейн¹⁶⁵. На пиру, посвященном празднику Пятидесятницы к королю Артуру является просительница, желающая увести с собой сэра Ланселота, и происходит посвящение в рыцари Галахада¹⁶⁶. В этот же день Артуру сообщают о новом чуде – прибытии по реке камня с мечом. Посмотреть на этот чудесный камень отправляются все, и многие рыцари пытаются вытащить меч, которые заключен в нем. И только приведенный старцем, и усаженный на Погибельное Сидение Галахад благополучно овладевает этим артефактом¹⁶⁷.

Появление Святого Грааля и предшествующий этому турнир с участием прибывшего ко двору Галахада так же происходит в Пятидесятницу. Зная, что все рыцари покинут его, отправившись на поиски Грааля король устраивает празднество – турнир¹⁶⁸, дабы могли его рыцари предстать напоследок во всей своей красе, ибо многие не вернутся из этого приключения назад. И после

¹⁶³Там же. с. 317.

¹⁶⁴Там же. с. 686.

¹⁶⁵Там же. с. 505-506.

¹⁶⁶Там же. с. 546.

¹⁶⁷Там же. с. 547-551.

¹⁶⁸Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 551-552.

турнира происходит пир, на котором и является Святой Грааль. Увидев сие чудо, сэра Гавейн, а за ним и все рыцари Круглого стола дают клятву отправиться на поиски этого священного сосуда¹⁶⁹. И в этот же день, отстояв службу в Церкви, отбывают они на поиски Грааля. Король и королева прощаются с рыцарями, «и много было горя и слез при расставании»¹⁷⁰.

К числу чудес, происходящих в этот праздник можно отнести и излечение славного рыцаря сэра Уррия. Излечить его пробуют все рыцари Круглого стола, начиная с короля Артура. Но получается это только у сэра Ланселота, который испросив помощи божьей, прикасается к ранам, и те заживают у всех на глазах. Потрясенный этим чудом Ланселот плачет, а король Артур и рыцари возносят хвалу Богу¹⁷¹.

Как уже было сказано Пятидесятница знаменовала для христиан сошествие Святого Духа. Именно это сакральное значение праздника и является основой чудес, в большом количестве происходящих в романе в этот день. Празднование это в большинстве случаев проходит в форме пира – некоей объединяющей трапезы. Символично, что завершение процесса с магическим мечом и коронация Артура, начавшись в Рождество, заканчивается именно в Пятидесятницу, превращаясь в законченный цикл жизни Христа. Завершением и одновременно отправной точкой для клятвенного ритуала, объединяющего рыцарей Круглого стола также становится этот праздник, новых членов в ряды этого сообщества принимают также именно в этот день, замыкая циклический круг. Праздник превращается в некий центр повествования – к этому дню прибывают ко двору Артура побежденные Ланселотом, Борсом, Гаретом противники и приносят ему свою клятву верности, появляются новые герои повествования. В этот же день, произносится и клятва отправиться на поиски Святого Грааля.

Рождество занимает в иерархии церковных празднований Средневековья достаточно значительное место. Самое раннее свидетельство о празднике Рождества Христова встречается в Римских хронографах под 354 годом. «25 декабря — это не точно вычисленная историческая дата. Всеми принятое

¹⁶⁹Там же. с. 552-553.

¹⁷⁰Там же. с. 555.

¹⁷¹Там же. с. 704.

объяснение этой даты имеет религиозно-исторический характер: в 275 г. император Аврелиан своим указом объявил 25 декабря праздником рождения непобедимого бога Солнца; вследствие христианизации этого языческого праздника возникло торжество Рождества Христа — Солнца Правды»¹⁷². Основным содержанием этого праздника является вочеловечивание Христово, охватывающее события Благовещения и Рождества, кроме этого нередко в этот же день праздновалось и поклонение волхвов и избиение Иродом младенцев в Вифлееме. В романе с этим праздником связан не один момент. Первое упоминание Рождества и празднований, связанных с ним — это общий молебен, который происходит в Лондоне, где по наущению Мерлина и при поддержке епископа Кентерберийского собирают всех баронов и рыцарей. Задолго до света все сословия королевства собираются на молитву, и по прошествии заутрени и ранней обедни во дворе храма объявляется чудо: «большой камень о четырех углах, подобный мраморному надгробью, посредине на нем — будто стальная наковальня в фут вышиной, а под ней — чудный меч обнаженный и вокруг него золотые письма: Кто вытащит сей меч из-под наковальни, тот и есть по праву рождения король над всей землей английской»¹⁷³.

О рождественских традициях приносить подарки есть достаточно своеобразное, но яркое описание. Когда король Артур совершает поход на Рим, к нему обращается с просьбой о защите поселянин, жалуясь на поселившегося в окрестностях великана. Пробираясь к великану Артур наталкивается на безутешную вдову, которая рассказывает, что у великана этого полно сокровищ, и что он сшил плащ, унизанный драгоценными камнями и оторочил этот плащ бородами пятнадцати королей славнейших родов, потребовав эти бороды в качестве дани. И те согласились и прислали ему свои бороды в подарок на Рождество, дабы только спасти своих подданных. Именно на Рождество Артур коронуется в Риме. «И вот в назначенный день, как повествуют романы, сам папа своею рукою со всей подобающей торжественностью короновал его императором, дабы править ему вечно. И пребывали они там до времени, и распределили все земли от Рима до Франции, наделив владениями и доходами

¹⁷²Кунцлер М. Литургия церкви. М., 2002. Ч. 3. с.145.

¹⁷³Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. С. 18.

тех рыцарей, которые это заслужили»¹⁷⁴. В этот день могло происходить и награждение достойных рыцарей. Подобное описание есть в рассказе сэра Гавейна о своей «карьере». Гавейн, рассказывая сэру Приаму свою историю, говорит, что он вырос в гардеробной короля Артура, берег его доспехи и чинил одежду герцогов и графов много лет. «А прошлым Рождеством он возвел меня в йомены и одарил богатыми дарами — пожаловал мне коня со сбруей и сто фунтов деньгами»¹⁷⁵. Так же в этот праздник устраиваются и турниры. «Наступило Рождество, и к Рождеству каждый день устраивали поединки и состязания на алмаз: кто одерживал верх, получал алмаз в награду»¹⁷⁶.

Новый год появляется в романе лишь единожды. В день Нового года устраивается турнир с поединками, чтобы собрались все лорды и простой люд, дабы нашелся тот, кто вытащит меч из камня. Именно на этом турнире и появляется сэр Эктор с сыном Кэем и его молочным братом Артуром. Крещение Господне также упоминается лишь единожды, в череде повторных попыток по вытаскиванию меча из камня, на этот раз все происходит по требованию баронов, уже во второй раз это удастся только Артуру. Сретенье Господне (Candilmas, буквально «Праздник светильников») — праздник принесения младенца Иисуса в Иерусалимский храм и очищения Богородицы на сороковой день после Рождества, то есть 2 февраля. В романе на Сретенье происходит третья попытка вытащить меч из камня, и опять Артур справляется с этой задачей. Упоминается также, что в один из этих праздников происходит посвящение в рыцари сэра Кастора от руки его дяди короля Пелеса. И турнир при Вестминстере, на котором Ланселот выступает инкогнито, с рукавом королевы Гвиневеры на шлеме. Занимающий центральное место в литургическом календаре праздник Пасхи в романе встречается лишь однажды, на этот праздник происходит четвертая попытка по извлечению меча. Артур и в этот раз подтверждает свое право на престол. Благовещение, празднуемое 25 марта и отмечающее собой день возвещения Марии о предстоящем рождении Христа, в некоторые годы приходится на Великий пост. С этим праздником в

¹⁷⁴Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 161-162.

¹⁷⁵Там же. с. 155.

¹⁷⁶Там же. с. 677.

романе связано посвящение в рыцари Александра-сироты. Успение Богородицы, отмечаемое 15 августа обозначено в романе двумя турнирами – турниром, устраиваемым леди Лионессой, и турниром у Винчестера, на котором Ланселот выступает инкогнито с красным рукавом на шлеме от Прекрасной Девы из Астолата. «Михайлов день, праздник Михаила Архангела, отмечается 29 сентября. Это — один из четырех дней, традиционно разделяющий в Англии год на кварталы»¹⁷⁷. На этот день назначается в романе свадьба Гарета и леди Лионессы. День Всех Святых — праздник, установленный в Европе с VIII в. в честь всех святых и мучеников, известных и неизвестных, отмечается 1 ноября. В канун этого дня происходили народно-карнавальные действия. К этому дню в романе привязано посвящение в рыцари сэра Кэя, молочного брата короля Артура. Также на этот день назначается пир и турнир в честь прибытия королей Бана и Борса. И проходит турнир, в котором не может участвовать Ланселот, поскольку его рана после предыдущего турнира никак не хочет заживать, и он отправляет на турнир вместо себя сэра Борса Ганского.

Церковные праздники и даты литургического года достаточно часто в романе становятся поводом для проведения вполне светских мероприятий — будь то коронация, турнир, пир, принятие гостей. Это в первую очередь отражает общий, имевший место в реальности процесс обмирщения Церкви и её праздников, и кроме того, подчеркивает специфический аспект романа — влияние церковного мировоззрения и религиозной доктрины весьма не велико на всем протяжении повествования. Даже такие, связанные с церковной ритуальностью празднования, как коронация или свадьбы описаны в романе во вполне светском антураже и не несут на себе печати чрезвычайной религиозности. Церковь и её устои в романе имеют достаточно двойственный характер, что, скорее всего, отвечает общей тенденции взаимоотношения христианства и древней мифологии, свойственной, как уже отмечалось культуре Англии. Даже такой, насыщенный событиями и происшествиями праздник, как Пятидесятница, несет скорее некую мистическую, нежели православную

¹⁷⁷Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. С. 852.

интерпретацию. И хотя празднества, приуроченные к церковным датам, обычно носят довольно яркий и массовый характер, они во многом все же остаются светскими по своему существу. Например, так говорится о праздновании Пятидесятницы при дворе Артура: «Так шло все до самой Троицы, а в тот день король устроил праздник в Карлионе, и такого богатого праздника нигде не бывало, только у Артура раз в году. Но снова король не сел за пиршественный стол, покуда не услышит о каком-нибудь приключении»¹⁷⁸. Даже такое сакральное действие как поиски Грааля сведены практически к обычному рыцарскому приключению с определенным набором испытаний. Представители Церкви, встречающиеся в романе, отличаются достаточно небольшой областью воздействия (освещение мест за Круглым столом, лечение раненных рыцарей), коронация Артура, пожалуй, самое заметное мероприятие, при котором велика в романе роль представителя Церкви. Появляясь в первой части романа, они выступают в качестве поддержки для короля в его неокрепшей еще власти. В дальнейшем христианские обряды носят скорее форму обязательного ритуала без какой-то особой смысловой нагрузки.

Мистические и мифические образы в романе напротив многочисленны – это и Владычица озера во многих воплощениях и Зверь Рыкающий, Мерлин, Фея Моргана, королева Северного Уэльса, мистические артефакты, ножны, мечи, кольца свидетельствуют, что вера подобные вещи гораздо более всепроникающая.

Кроме того, стоит отметить аспект, который сближает празднование церковных праздников, таких как Рождество, Пятидесятница, происходящих при дворе короля Артура с гильдийными пирами. Если судить по церковным запрещающим документам, касающимся этого действия, то причина запрета была в том, что подобные пиры имели схожесть с мессами, службами. Так и пиры при дворе короля Артура представляют собой совместную трапезу, но не простую, а после заутрени и молебна, и на ней случаются чудеса чуть ли не в обязательном порядке, этот образ в достаточной мере перекликается с библейским. И как подтверждение этому тот факт, что Грааль явился рыцарям Круглого стола на пиру в Пятидесятницу.

¹⁷⁸Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 195-196.

§4. Праздники политические.

Коронации.

Поскольку одной из характерных черт артуровского цикла вообще является создание утопического образа рыцарского государства во главе с мудрым, справедливым и доблестным правителем, вопрос политической составляющей в цикле и в данном романе достаточно важен. Праздники, изображенные в романе, также выполняют и политические функции – они являются вехами, отмечающими важные изменения в политической расстановке сил. Любому правителю, только что взошедшему на трон после периода темного времени необходимо укрепить свой авторитет и завоевать уважение, и потому Артур ведет войны с несогласными с его избранием, подавляет любое сопротивление – как внутри своей страны, так и борется с агрессией извне. Он жаждет поддержки от своих вассалов и щедро награждает их за старания, устраивает праздники ради их развлечения, и ради установления полноты собственной власти.

Коронация Артура в романе две – это первая – Артур вытаскивает меч из камня, что символизирует процесс инициализации юноши и становление его как воина, его посвящают в рыцари, коронуют, и он приносит клятву своему народу и лордам. После этого он готовит большое празднование, на которое съезжаются рыцари со всего Логрского государства, но вместо коронации начинается война, первое военное противостояние Артура и пяти королей¹⁷⁹. В такой двойной коронации можно увидеть характерную для определенного периода истории Средних веков систему, когда Церковь только начинает заявлять о своей монополии на церемонию помазания королей, и коронация проводится отдельно в своем светском и церковном вариантах.

Вторая, это коронация после военного похода на Рим, одержав победу, и обосновав свое право на римский трон своей родословной, по которой все предки Артура, кроме его отца занимали этот трон, Артур коронуется как король мира. Вторая коронация также завязана на Рождестве, имеет поддержку и осуществляется самим римским папой. Кроме того, поскольку данное празднество происходит как результат успешной военной компании, нельзя не

¹⁷⁹ Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 21-22.

отметить исключительную показательную пышность данного действия и элемент награды верных подданный за их труды и их ответные клятвы в верности. Помимо этого, Артур, будучи не только щедрым, но и мудрым королем, не остается в чужой земле, но возвращается со своими рыцарями домой по их просьбе¹⁸⁰. Римская коронация, не встречающая основы в каких-либо других текстах артуровского цикла до Мэлори, с высокой долей вероятности является оригинальным патриотическим пассажем автора.

Третья коронация, скромно упоминающаяся в романе – это коронация Мордреда. Пока король Артур воюет с сэром Ланселотом, трон подло оккупирует его собственный сын-бастард, и к власти в Англии приходит Мордред. «Оставшись правителем всей Англии, сэр Мордред повелел составить письма, которые пришли словно бы из-за моря, а в письмах тех значилось, что король Артур убит в бою с сэром Ланселотом. И тогда сэр Мордред назначил парламент и созвал баронов и принудил их провозгласить его королем. И был он коронован королем в Кентербери и устроил там пир на пятнадцать дней»¹⁸¹. Власть Мордреда, в отличие от Артура не освящена ни мистическим ореолом, ни упоминается церковное благословение, и вручение власти баронами происходит под воздействием силы и в результате обмана.

Королевские коронации в романе выступают в качестве некоего пика роста политической власти героя. Но это не окончательная ступень в процессе установления по настоящему руководящей роли. Артуру придется приложить еще много усилий, чтобы стать поистине уважаемым и почитаемым главой для своего государства, и первый, кто поднимает против него бунт – его собственные бароны. Мордред также не обретает настоящей точки опоры в коронации, поскольку, хоть и имеет поддержку граждан, которых Мэлори упрекает в ветрености и неверности, но внутренней сакральной силы и могущественной поддержки верных рыцарей у него нет. Потому, он вскоре будет побежден, хоть и ценой собственной жизни королем Артуром. Коронация как праздник обязательно включает в себя пир, награждение верных помощников, вручение земель и ответные клятвы в верности королю. Таким

¹⁸⁰ Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 161-162.

¹⁸¹ Там же. с. 745.

образом, коронация предстает перед читателем праздником королевской щедрости, которая во многом была основой сплоченности и преданности рыцарей своему сюзерену.

Военные победы.

Войны с противником в романе ведет не только Артур, празднует победы над врагами и его отец король Утер в начале повествования. Будучи в болезни, король Утер по совету Мерлина отправляется на повозке возглавить свою армию, воюющую с «воинством Севера». Происходит битва при Сент-Альбанс, противник разбит. «И тогда воротился король Утер в Лондон и предался великой радости»¹⁸². Довольно сдержанное описание победы, доставшейся дорогой ценой, но, возможно это объяснимо тем, что данное событие не играет достаточно весомой роли в развитии сюжета. Такое же скудное описание празднования победы встречается и чуть позже, в рассказе о победе над взбунтовавшимися против избрания Артура королями. Оправдание скудности описания празднования победы здесь может быть еще очень слабое политическое положение Артура и междоусобный характер данного столкновения. «Король Артур устроил пир, а потом отправился в путь и прибыл в Лондон»¹⁸³. После войны с одиннадцатью королями вообще нет описания никакого праздника. Возможно, поскольку эта битва внутренняя, за власть, но в пределах собственной страны, потому данная победа не подразумевается как повод для празднования. Да и не совсем победа, войско Артура отошло с поля боя долго сражавшись, но, не добившись четко выраженного превосходства. Но, не смотря на отсутствие пира, или празднования по поводу военной компании Артур осуществляет обязательный ритуал награды за доблестное служение. По совету Мерлина он наделяет своих помощников-королей трофеями и добычей. «А также, сэ, пусть будет разыскана вся добыча, взятая в этом сражении, и, когда вся она окажется в ваших руках, пусть будут щедро наделены ею эти два короля, Бан и Борс, дабы и они могли наградить от этих богатств своих рыцарей; тогда в нужде вашей люди из чужих стран станут с большей охотой

¹⁸²Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 17.

¹⁸³Там же. с. 23.

приходить к вам на службу. Своих же рыцарей вы можете наградить, когда только ни вздумаете.

— Хорошо сказано, — отвечал Артур, — как ты задумал, так и будет сделано.

Когда передана была добыча королям Бану и Борсу, они наделили добром своих рыцарей с такой же щедростью, с какой и сами были наделены»¹⁸⁴.

Еще одним этапом становления власти Артура стало подавления мятежа короля Риенса. В данном случае заметен мотив защиты слабых, как характерная черта рыцарской культуры и пир исполняет также функцию завязки сюжета – а именно знакомства Артура и Гвиневеры и начальной точки сюжета ненависти короля Риенса к Артуру. «И вот король Артур, король Бан и король Борс выступили со своими полками, числом в двадцать тысяч, и на седьмой день прибыли в страну Камилард; там вступились они за короля Лодегранса и многих людей короля Риенса перебили, числом тысяч до десяти, и обратили его в бегство. После того оказал король Лодегранс трем королям почетный прием и благодарил их за великую доброту, что отместили они за него его недругам.

Тогда-то увидел Артур впервые королеву Гвиневеру, дочь короля страны Камилард, и с тех пор всю жизнь любил ее. Впоследствии обвенчались они, как том рассказывается в этой книге»¹⁸⁵. Следующий военный поход Артур предпринимает после прибытия к его двору римского посольства с требованием дани, в ответ на которое Артур направляет свои войска на Рим. Находясь уже перед войском противника, король Артур отправляет на переговоры сэра Гавейна и Борса. Увы, переговоры заканчиваются схваткой, из которой рыцари Артура выходят с честью. «И было в тот день среди рыцарей Круглого Стола веселье и разные игрища, и гонцы вели рассказы о великой доблести и о славных подвигах, в тот день совершенных»¹⁸⁶. И последнее празднование победы носит не столь выраженный политический оттенок, а скорее выступает в форме сюжетной завязки, поскольку на это празднование приезжает леди Элейна, сумевшая чарами заманить сэра Ланселота к себе. После этого

¹⁸⁴Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 35.

¹⁸⁵Там же. с. 36.

¹⁸⁶Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 114.

рассказывается долгая история горестных скитания Ланселота, изгнанного королевой Гвиневерой. «А король Артур, как повествует Книга, был в это время во Франции, он вел войну против могущественного короля Клаудаса и завоевал немало его владений. Когда же король возвратился домой, он повелел возгласить о предстоящем великом празднестве, на которое надлежало явиться всем лордам и дамам Англии, если только они не злоумышляют против своего короля»¹⁸⁷. Пир устраивает и король Марк, по случаю изгнания из его страны саксов. На этот пир является менестрель Элиот, который исполняет на празднестве песню, сочиненную сэром Динаданом, «в которой так поносил он короля Марка за его предательство, что люди и не слыхивали такого»¹⁸⁸. Король Марк был в ярости, певца спасло только его подневольное положение менестреля, и его отпускают с миром. Но решив, что это произведение сочинено по наущению сэра Тристрама, решает король Марк погубить и его и всех его друзей в Корнуэлле. Здесь пир играет в роли инструмента сюжета - заканчивается линия с шуткой сэра Динадана и начинается новая линия, в которой разгневанный Марк будет мстить всем, кто сочувствует Тристраму в Корнуэлле. Король Марк в романе фигурирует как однозначно отрицательный персонаж, со множеством соответствующих поступков и формулировок, потому и не удивительно, что организованный по случаю военной удачи короля Марка пир становится его унижением.

Для рыцарства, изображенного в романе, война является первоочередным занятием и смыслом их жизни. Исполнение придворных функций еще не стало основой для этой корпорации. Празднованием, в том или ином виде отмечены все военные предприятия в романе, это также в очередной раз подчеркивает, что рыцарей Круглого Стола объединяет в первую очередь военная профессия, как основная сфера деятельности. Стоит отметить, что празднование победы над соперником, награждение союзников происходит практически полностью в мужской компании, что подчеркивает данный пиршественный вид празднования как сугубо милитаристский и мужской. Эти праздники с одной стороны выступают в качестве объединяющего ритуала

¹⁸⁷Там же. с. 513.

¹⁸⁸Там же. с. 413.

воинского содружества, а так же играют видную роль, отмечая собой новые этапы становления и усиления в результате подчинения новых земель и победы над непокорными баронами власти и влияния короля.

Заключение.

«Мифический двор короля Артура побуждал рыцарей принять его кодекс чести, который, собственно, и превратил тяжелую кавалерию в рыцарство, дав последнему и смысл существования, и оправдание его привилегий»¹⁸⁹.

Рыцарская культура, частью которой является и праздник, исследуемый в этой работе, сформирована на основе многих компонентов, и прошла за период своего развития, временные рамки которого можно обозначить X-XV веками, полноценный эволюционный путь от воинской этики до куртуазного придворного этикета. Основой этой культуры, безусловно, была воинская идеология, но сформировалась она в первую очередь под воздействием комплекса церковной и аристократической составляющих. Каждая из этих компонентов создала особые, определенные черты того образа и манеры поведения, которые закреплены в нашем сознании и восприятии как характерные для рыцарства.

Главные герои романа Т. Мэлори это рыцари, и первой и определяющей во многом их поведение, образ и поступки характеристикой их является именно то, что они были и остаются воинами, по своему роду деятельности, сознанию и мировоззрению. Не смотря на реально сложившуюся в XV веке ситуацию с рыцарским сообществом, и возможно вопреки ей, желая поддержать прекрасный образ идеального рыцаря, Мэлори создает своих героев в равной степени куртуазными и воинствующими. Круглый стол это общество воителей, совместно проводящие и будни и праздники, в странствиях, войнах, и на пирах они всегда выступают сплоченным корпоративным сообществом. И праздники, описанные в романе, носят многочисленные тому свидетельства. Например, отмечание военных побед совместным пиром и раздачей наград верным воинам. В определенной мере этому соответствует и охота – тренировка силы и выносливости, азарт и желание добыть трофей. Турниры, «игровая» форма войны – необходимая для воина в мирное время тренировка, место обучения молодых рыцарей, передачи знаний и правил, повод для демонстрации своих доблестей, место добывания такой вожаделенной славы, место обогащения в

¹⁸⁹ Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М., 2006. с. 102.

случае завоевания победы, арена для выяснения обид и личных неприязней. И еще одно празднование, в основе которого лежит в первую очередь воинская суть – это посвящение в рыцари, имеющее в своей первоначальной форме обряд инициации юноши при достижении им определенного возраста и овладения необходимыми для воина навыками, заключающийся во вручении оружия, в первую очередь меча.

Рыцарство по природе своей, по роду занятия, по истории развития явление сугубо светское. Эта ситуация достаточно хорошо прослеживается и в образе, созданном Мэлори. Как уже отмечалось, моменты взаимодействия с представителями Церкви в романе малочисленны, появляются только на ранней стадии формирования в романе государственности, имеют характер вспомогательной силы, поддерживающей новую власть. Церковь поставлена в подчиненное положение по отношению к королевской власти. Гораздо больше в романе мистических, языческих элементов, приходящих в соприкосновение с христианством. Автор сознательно уменьшает религиозное наполнение, даже в описании столь сакрального приключения, как поиски Грааля. Здесь они становятся одним из рыцарских странствий, осложненных внутренними переживаниями героев, но переживания эти носят оттенок скорее слабости человеческой природы, нежели отражают воодушевленность апологета религиозной идеи. В основополагающей и объединяющей рыцарство клятве так же нет ни слова про защиту Церкви и её представителей. Завоеванная и в реальной жизни прерогатива Церкви на коронацию и посвящение королей находит отражение и в романе – Артур единственный рыцарь, посвященный епископом. Такой же реально проходивший процесс обмирщения Церкви и её праздничных дат передан и в романе, где торжества литургического года отмечаются празднованиями практически исключительно светского характера.

Стремление рыцарства смешаться с классом аристократии породило многие характерно «рыцарские» черты - это пагубная расточительность, нашедшая отражение в турнирах, пирах, пышных и дорогостоящих обрядах, в первую очередь в обряде посвящения. И самое понятие «куртуазности», созданное при дворе и перенятое рыцарским сообществом, это изысканность

манер, учтивость, культ Прекрасной Дамы, также является заимствованием у аристократии. Если рыцарство в целом являло собой элиту военного сословия, то придворное (куртуазное) рыцарство играло роль «элиты в элите». И чем больше усугубляется внешняя опасность для аристократии в виде возникающих внешних сил, могущих разрушить их сообщество, тем более в литературе превозносятся те черты, свойства и культурные ценности, которые переняты рыцарством у аристократов, и уже воспринимаются ими самими как типично рыцарские. Эти аристократические черты оправдывают их привилегии и претензии, и служат инструментом трансформации рыцарства в элитарный орден дворянства.

Эта существовавшая в реальности тенденция нашла свое отражение и в романе. Присутствуют и пышные пиры, призванные продемонстрировать щедрости и могущество двора короля Артура. Турниры также поражают своим размахом, количеством приглашенных гостей и участников. Охота, этот символ исключительно аристократического времяпрепровождения также описан в романе. Есть и описания тенденции на замыкание – очень редко при описании празднований упоминается присутствие кого-то, помимо представителей элиты, вилланы подчеркнуто не в чести в сообществе Круглого стола. Четко выраженная иерархия из неопита в рыцари, далее в рыцари Круглого стола, продвижение по этой карьерной лестнице достигалось путем завоевания славы и демонстрации своих достоинств. И, конечно, любовь, фокус внимания здесь переносится на женщину, и на те подвиги, которые совершает герой, вдохновленный этим чувством. И хоть взгляд Мэлори на этот компонент куртуазной культуры сложно назвать однозначным, этот элемент играет огромное значение в произведении.

Рыцарское сообщество, изображенное в романе, включает в себя большое количество компонентов, роднящих его с корпоративной структурой. Основа рыцарского объединения изображенного в романе – клятва, которая приносится во время праздника посвящения молодого воина в рыцари. Клятва, повторяемая рыцарями Круглого стола, носит выраженный помиссивный характер, рыцари подчиняются определенным правилам, «никогда не совершать

грабежей и убийств, бежать измены и даровать пощаду тому, кто испросит», «заступаться за дам, девиц, благородных женщин и вдов, защищать их права и никогда не учинять над ними насилия под страхом смерти», «еще наставлял их Артур, чтобы ни один из них не подымал оружия для несправедливой войны — ни ради славы и ни за какие богатства земные»¹⁹⁰, король же предоставляет им покровительство и обещает «стоять за истинную справедливость»¹⁹¹. Эта клятва выполняет и форму устава – в ней вводятся определенные нормы поведения для членов этого сообщества. Кроме этого клятва встречается в романе также в виде «слова чести», не брать в течение года в руки оружия или обещание прибыть ко двору короля в положенный день и перейти в его подчинение. Корпоративный характер обряда посвящения также связан с вручением оружия, неким актом передачи знаний и преемственности профессиональных навыков.

Рыцарская корпорация в романе достаточно закрытый союз избранных, привилегированных и аристократических представителей. Содержание поучений, происходящих в основном на турнирах, направлено на передачу рыцарям основ профессиональных навыков и навыков куртуазного, приличествующего рыцарю поведения. Любовь, являющаяся катализатором для многих событий, также распространяется только на определенный круг избранных. Пощада для противника, роскошь, которой удостаиваются только члены сообщества. Суд вершится также внутри этой корпорации, его юрисдикция действует только в пределах того сообщества. Поощрения раздаются исключительно определенному кругу лиц, пиршества и праздники устраиваются только для них. Члены рыцарского сообщества постоянно вместе, в повседневной жизни и в праздничные дни – и на войне, и на пиру, и при дворе, и на охоте, и на турнире, их деятельность безотрывно связана с этой корпорацией, и нет никакого разделения на личное и общественное. Помимо больших и пышных корпоративных празднеств в романе много будничных и не имеющих под собой какой-то значительной основы праздников, которые являются достаточно убедительным аргументом в пользу идеи о том, что двор

¹⁹⁰ Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 90.

¹⁹¹ Там же. с. 21.

короля Артура представлял собой некую общность со своими традициями и можно сказать с семейным, интимным характером.

Праздники в романе по большинству своих характеристик можно отнести к тому виду празднеств, которые в начале нашего исследования были обозначены как «официальные». Если следовать терминологии, предложенной Платоном, праздник в романе выступает как способ стабилизации государства – идеальная функция для праздника в идеальном мире. Они достаточно структурированы и фиксированы – турнир состоит из определенных компонентов, расположенных в той или иной последовательности. Жизненный цикл героя отмечен определенными, последовательными четко обозначенными событиями – посвящение, принятие в сообщество Круглого стола, свадьба, и как завершение жизненного пути – почетные похороны. Сами празднования устраиваются не стихийно, а с согласования короля или же он сам выступает в виде устроителя. Большинству праздников предстоит определенный период сложной подготовки. Формы праздник принимает не очень многочисленные – турнир, пир, охота, все остальные варианты так или иначе сводятся к этим основным. Все эти элементы указывают на определенный традиционный, закреплённый стандартами вид празднований.

Мэлори в своем произведении создает образ идеального государства, и праздники в этой системе занимают соответствующую нишу, они нацелены укреплять иерархическую структуру, поддерживать центральную власть и максимально объединять тех, кто является опорой и основой для этой власти. Возможно «правильный» характер описанных в романе праздников, их официальную структуру и отличие от народных «безобразий» можно объяснить теорией о происхождении самого Мэлори из рыцарской среды, и официальная форма празднования была ему более близка и обоснованна для тех целей, которые он ставил перед собой при написании романа. «Круглый стол, с характерным только для него отсутствием ранжирования мест по старшинству, символизирует, идеальную феодальную монархию, в которой сюзерен правит на благо всем, опираясь сначала на аристократию, а через нее — и на все рыцарство»¹⁹². Иерархическая структура находит свое отражение и в

¹⁹² Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М., 2006. с. 146.

описываемых праздниках – руководство в той или иной степени принадлежит королю, последовательность «рыцарской карьеры», из неопита в рыцари, из рыцарей в сообщество Круглого стола также имеет вертикальное строение, допуск на празднования получают исключительно представители привилегированных классов, вилланы в романе практически не упоминаются. Эта вертикальная структура в романе построена на основе описанного выше корпоративного единения, клятвенной составляющей и поддерживается щедростью монарха, который согласно положению и значению поощряет своих верных подданных. Именно эта фиксация и подчеркивание системы подчиненности, выраженной и в праздниках, дает возможность утверждать «официальный» характер праздников, описанных в романе.

Но есть в описаниях, данных в романе и такие элементы, которые можно назвать в современном понимании праздничными, те, что придают празднику некий аспект свободы, красочности, радости и веселья, эти компоненты больше подходят к концепции «карнавального». Стоит отметить хотя бы тот факт, что как и карнавалы, турниры в рассматриваемый период подвергались довольно резкому осуждению Церковью, и поводы для этого осуждения были достаточно близки. Красочность турнирных празднований, множество гостей, игры и пиршества, сопровождавший этот праздник имеют общие контуры с праздниками карнавального типа. Некая театрализованность, переодевания, игровой компонент турнира, также по характеру близок к карнавалу. Обилие материальных благ, щедрость и роскошь, присутствующие при описании в романе пиров и турниров, функция турнира как инструмента психологической разгрузки также вполне соответствуют карнавальной культуре.

Но все эти элементы могут быть трактованы в большинстве своем неоднозначно. Например, праздники в романе в большинстве своем цикличны, они либо привязаны к определенным датам литургического календаря, или связаны со знаковыми событиями человеческой жизни, отмечая собой рубеж определенного жизненного цикла, либо же отмечают этапы развития государственности, также достаточно структурированные. Данная черта может рассматриваться и как карнавальная и как официальная составляющая,

поскольку карнавал тесно связан с природными циклами смерти-жизни, а официальные праздники в большинстве своем связывались с церковным календарем. И потому можно говорить лишь о некоторых «около карнавальных» элементах, присутствующих в праздничном фоне романа.

Праздники, изображенные в романе, являются красочной иллюстрацией к пониманию особенностей такого явления, как рыцарская культура. Они несут в себе большое количество функций, достаточно разнообразны и касаются всех сфер жизни героев повествования. В них находят отражение и профессиональные навыки, и любовные порывы, и аристократические претензии, и клановая структура взаимоотношений, и интеграционный, обучающий процесс, и религиозные обряды, и политические амбиции, моральные ориентиры и они являются инструментом построения сюжета. Празднования несут в себе все характерные для рыцарской культуры компоненты, и являются некой квинтэссенцией этой культуры, поскольку быть более ярким и живым выражением жизни есть одна из особенностей праздника как социального феномена. Церковная, воинская, аристократическая составляющая создают специфические черты праздника, и они хорошо прослеживаются в повествовании.

При всем многообразии выполняемых в романе функций, самой яркой чертой праздников в романе является корпоративная составляющая. «Праздники стимулируют групповую консолидацию, способствуют самоидентификации членов группы, класса, общества, организуют совместную жизнедеятельность людей, сплачивает представителей группы и т.д. Интегративная функция, прежде всего, заключается в стимулировании групповой деятельности, в объединении индивидов в одну группу по каким-то внешним характеристикам, в осознании индивидом своего места в коллективе и роли данного коллектива среди остальных подобных групп»¹⁹³. Именно эта функция реализована в романе в большей степени. Также описания праздников, данные в романе, несут и консервативную составляющую - поскольку роман направлен на создание некоего идеального образа, и в этом контексте

193 Бурменская Д. Б. К вопросу о роли праздника в жизни общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 61. с. 47.

корпоративный праздник роман направлен не только на объединение группы, но и способствует дальнейшему её сохранению, защите её ценностей от разрушения и забвения, поддерживает существование группы как таковой.

Созданный в романе идеальный образ «рыцарской монархии» приводится автором в столкновение с элементами реальной жизни. Идея Круглого стола, объединенная концепция рыцарской корпорации, рыцарского ордена, вступает в конфликт с личными интересами героев. Идея личной преданности, основанная на клятве, достигшая своего максимума в куртуазной культуре сталкивается в романе и реальности со своим первоисточником – родовой верностью, клановостью, и, одновременно вступает в конфликт с личными интересами отдельного феодала, что порождает сложную, перепутанную систему предательств и клятв, чести и обмана. Концепция куртуазной любви теряет у Мэлори свою однозначность, приобретает черты реального, возможно несколько циничного, но очень живого восприятия этого чувства, во всей своей многосложности и разрушительности в том числе. И этот формат столкновения находит свое отражение и в праздничной составляющей. Как элемент идеального мира, того образца, к которому стремилось рыцарство во все времена своего существования праздники являются инструментом укрепления рыцарской общности, поддерживают единство государственности, служат объединяющей основой. А вот как отражение картины человеческой, несовершенной реальности они несут на себе черты «бунтарского» карнавала с его красочностью, весельем и живостью.

Список источников:

1. *Мэлори Т.* Смерть Артура. М. 1974. с. 899.
2. *Платон.* Соч. в 3-х т., т.3, ч.2. М., 1972. с. 687.

Список литературы:

1. *Алексеев М. П.* Английская проза XV века // История английской литературы, т. I, вып.1. М.-Л., 1943. с. 382.
2. *Баткин Л. М.* Смех Панурга и философия культуры // Вопросы философии. № 12 1967. с. 114-123.
3. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. с. 276.
4. *Бахтин М. М.* Формы хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. с. 234-407.
5. *Бурменская Д. Б.* К вопросу о роли праздника в жизни общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 61. с. 43-48.
6. *Веселовский А. Н.* Избранные статьи. Л., 1939. с. 441 – 472.
7. *Виоле-ле-Дюк Э.* Жизнь и развлечения в средние века. СПб., 2014. с. 386.
8. *Гофф Ле Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. с. 560.
9. с.
10. *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. с. 359.
11. *Гуревич А. Я.* Смех в народной культуре средневековья // Вопросы литературы. №6. 1966. с. 207-226.
12. *Даркевич В. П.* Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX – XVI вв. М., 1988. с. 343.
13. *Жигульский К.* Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога. М., 1985. с. 335.
14. *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Зимние праздники.* М., 1977. с. 351.

15. Католическая энциклопедия. В 4 томах. М., 2002. с. 1341-1349.
16. *Кин М.* Рыцарство. М., 2000. с. 520.
17. *Кунцлер М.* Литургия церкви. М., 2001. Ч. 1-2. с. 304; М., 2002. Ч. 3. с. 304.
18. *Медведева М. А., Ромах О. В.* Семантический анализ концепции праздника // Аналитика культурологии. № 1(10). 2008. с. 67-71.
19. *Михайлов А. Д.* Артуровский легенды и их эволюция // Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 793-828.
20. *Мортон А.* Артуровский цикл и развитие феодального общества // Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974. с. 767-792.
21. *Паламарчук А. А.* «Светило, сияющее лишь отраженным светом»: стереотипы современников и исследования по истории английского королевского двора // Королевский двор в Англии XV–XVII вв. / Под ред. С. Е. Федорова. СПб., 2015. с. 9–26.
22. *Паламарчук А. А.* Дворянская честь, королевская справедливость: Рыцарский суд и правовые идеи в раннестюартовской Англии // Диалог со временем. Вып. 50. 2015. с. 152-171.
23. *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб., 2013. с. 207.
24. *Пинский Л.* Рабле в новом освещении // Вопросы литературы. № 6. 1966. с. 200-206.
25. *Тогоева О. И.* «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006. с. 334.
26. *Федоров С. Е.* О некоторых особенностях представления об аристократии в Англии раннего Нового времени // Проблемы социальной истории и культуры Средневековья и раннего Нового времени / под ред. Г.Е. Лебедевой. СПб., 2000. с. 218-245.
27. *Федоров С. Е.* Раннестюартовская аристократия: 1603-1629. СПб., 2005. с. 528.
28. *Федоров С. Е.* Honor Redivivus: Риторика представлений современников о стюартовской аристократии // Вестник С.-Петербур. Уни-та. Серия 2. Вып. 4. 1998. с. 16-25.
29. *Флори Ж.* Идеология меча. Предистория рыцарства. СПб., 1999. с. 314.
30. *Флори Ж.* Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М., 2006. с. 356.
31. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. с. 448.

32. *Фрейденберг О. М.* Происхождение пародии // Труды по знаковым системам. Тарту. 1973. Т VI. с. 490-497.
33. *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М., 2003. с. 386.
34. *Хёйзинга Й.* Homo ludens. Человек играющий. М., 2015. с. 416.
35. *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья. М., 1995. с. 416.
36. *Художественный язык средневековья.* М., 1982. с. 271.
37. *Шарпкова А. А.* Языковые особенности репрезентации власти в романе Т. Мэлори «Смерть Артура»: гендерный аспект // Одесский лингвистический вестник. 2013. № 2. с. 177-193.
38. *Штокмар В. В.* История Англии в Средние века. СПб., 2005. с. 203.
39. *Эксле О. Г.* Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. с. 360.
40. *Ястребицкая А. Л.* Западная Европа XI-XII веков. Эпоха, быт, костюм. М., 1978. с. 176.
41. *Keen M.* Nobles, Knights and Men-at-arms in the Middle Ages. London. 1996.
42. *Lumiansky R. M.* Malory's Originality. Baltimore. 1964.
43. *Peltonen M.* The Duel in Early Modern England. Civility, Politeness and Honour. Cambridge. 2003.
44. *Reiss E.* Sir Thomas Malory. New York. 1966.
45. *Trevor-Roper H.* The Gentry 1560-1640 // The Economic History Review. Supplement. London. 1953.
46. *Trevor-Roper H.* The Elizabethan Aristocracy: an Anatomy Anatomized // Economic History Review, 2nd ser. Vol. III. 1951.
47. *Vinaver E.* Le Roman de Tristan et Iseut dans l'oeuvre de Thomas Malory. Paris. 1925.
48. *Vinaver E.* The Works of Sir Thomas Malory. London. 1954.